

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

Ю.В. Шишков

**НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: СТАНОВЛЕНИЕ,
РАЗВИТИЕ, ЗАКАТ. ЧТО ДАЛЬШЕ?**

**Москва
ИМЭМО РАН
2011**

УДК 339.9

ББК

Шишко 656

Серия “Библиотека Института мировой экономики и международных отношений” основана в 2009 году

Шишко 656

Шишков Ю.В. Национальное государство: становление, развитие, закат. Что дальше? М.: ИМЭМО РАН, 2011 – 57 с.

ISBN

В эпоху глобализации человечество столкнулось со многими новыми проблемами, требующими коллективного решения. Среди них самой важной и самой сложной является замена существующего около 5-7 тысячелетий государства как регулятора экономических, социальных и культурных процессов внутри стран и отчасти между ними каким-то новым регулирующим механизмом глобального масштаба. Чтобы глубже понять суть этой проблемы, автор попытался взглянуть на нее с макроисторической точки зрения, а также оценить основные подходы теоретиков и практиков к формированию предстоящего механизма глобального регулирования.

Брошюра рассчитана на научных работников, аспирантов, а также всех тех, кого интересуют судьбы национального государства в эпоху глобализации.

Shishkov Y.V. National State: Formation, development, decline. What next?

In the globalization era, the mankind faces many problems that can be resolved only by joint efforts. The most important, and the most complex, one is substitution of the state as the regulator of economic, social, and cultural processes within countries during the last five to seven millenniums by some other regulatory mechanism of a global scale. In order to identify the core of this matter, the author has attempted to analyze it from a macro-historical standpoint, and also evaluate the main approaches of theorists and practitioners to shaping the future mechanism of global governance.

The pamphlet is addressed to scholars, post-graduates, students, as well as everyone interested in the future of a national state in the globalization era.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN

© Шишков Ю.В., 2011

© ИМЭМО РАН, 2011

Оглавление

Вступление	4
Когда и почему понадобилось государство	5
Долгая история до государства	5
Экономические и социальные предпосылки рождения государства	7
Территория – материальная основа государственности	13
Государственный суверенитет	15
Развитие государства как управленческой структуры	20
Возникновение тандема «государство-рынок»	22
Технический и социальный прогресс и демократизация государства	29
Почему отживает национальное государство	34
Причины размывания регулирующих способностей государства	35
Разные оценки будущего	43
Поиски механизмов регулирования глобального социума	46
Поиск на государственном и межгосударственном поле	46
Варианты регулирования на неправительственном уровне	55
Перспектива трехстороннего глобального механизма	
Эпилог	64

Вступление

На протяжении своей долгой 200-тысячелетней истории человечество оставило позади три эпохи – доаграрную, аграрную, индустриальную – и вступает в четвертую – постиндустриальную. Каждая из них характеризуется не только определенным уровнем развития производительных сил, но и способом коммуникации людей. В самой долгой первой эпохе они общались посредством устной речи, язык которой был понятен сравнительно узкому кругу лиц-членов данного рода или племени. На втором этапе появилась письменность, значительно усовершенствовавшая внутри- и межплеменное общение. На третьем этапе появилось печатание, открывшее возможности для сохранения информации и для широкого обмена ею с иностранцами. На четвертом этапе родились электронные средства связи, обеспечивающие возможность такого обмена в мировом масштабе и в реальном режиме времени. Это создало невиданные прежде благоприятные условия для глобализации производства и торговли.

На каждом этапе экономические, социальные и культурные отношения внутри общества все более усложняются, интенсифицируются и требуют все более скрупулезного регулирования. Сначала в рамках рода, племени, протогосударства и, наконец, национального государства. В период формирования постиндустриального по уровню развития и глобального по своим масштабам общества начался переход от государственного регулирования к транснациональному и наднациональному, а в перспективе к глобальному регулированию всей сложнейшей жизни мирового сообщества.

Сегодня государство уже не может так же эффективно как прежде, решать внутригосударственные проблемы, защищать национальные интересы от нежелательных внешних воздействий. Оно тем более не в состоянии регулировать те экономические, социальные и культурные процессы, которые выплеснулись за пределы национальных границ, в значительной мере обрели самостоятельность и становятся неуправляемыми. Кроме того, возникли демографические, экологические и многие другие глобальные проблемы, с которыми не в состоянии справиться в одиночку ни одно государство. Человечество явно выросло из детских штанишек национального государства.

Встает вопрос: чем заменить привычный и, казалось, безальтернативный государственный регулирующий механизм? Перед человечеством встала задача беспре-

цедентной сложности – поиск эффективного регулирующего механизма глобального масштаба.

В этой связи назрела потребность взглянуть на судьбы государства с макроисторической точки зрения, в контексте всей предшествующей истории человечества и его обозримого будущего. Рассмотреть, как механизмы управления трансформировались от родоплеменного их варианта до планетарного.

Ниже предпринята попытка рассмотреть эту проблему, так сказать, с высоты птичьего полета, увязав ее с уровнем развития производительных сил мирового сообщества.

Когда и почему понадобилось государство

Для лучшего понимания причин появления государства напомним вкратце долгую предысторию, когда первобытное человечество вполне обходилось без такой властной структуры.

Долгая история до государства

По данным антропологов, в ходе эволюции гуманоидов предки современных людей – кроманьонцы (*homo sapiens*) – появились около 200 тыс. лет назад. Как и многие поколения их предшественников, они поддерживали свое существование и продолжение рода путем собирания плодов, охоты и рыболовства. Это было так называемое ***присваивающее (собирающее) хозяйство***. Несмотря на свой заметно продвинутый интеллект, кроманьонцы еще не умели создавать ничего, кроме простейших орудий охоты и примитивных каменных ножей. Все необходимое для своего существования они брали у природы в долинах крупных рек: Нила, Ганга, Тигра и Евфрата, Меконга, Янцзы, Амазонки и других.

Как и для их ближайших предков, для кроманьонцев критическое значение имела территория их обитания, предоставлявшая им разнообразные растения, плоды, лесную и полевую живность и воду. В контексте данного исследования проблема территории имеет особое значение. Она сплошным мостом соединяет организацию жизни некоторых видов крупных млекопитающих (волков, львов, горилл и т.д.) с организацией быта первобытных людей. Для всех них определенная территория, охраняемая от проникновения других особей данного вида, является высшей ценностью – основным источником пропитания и решающим условием выживании и продолжения рода. Поскольку эти дары природы ограничены и зависят от капризов погоды, первобытным общинам приходилось либо расширять обжитую территорию,

либо жестко ограничивать свою численность, физически уничтожая неполноценных или просто лишних новорожденных и нетрудоспособных стариков. Как и все их эволюционные предшественники, люди старались защищать территорию, которую данная семья или род считали своей. Они обозначали ее границы и вступали в схватку с незваными претендентами на нее. Неприкосновенность территории оставалась краеугольным условием выживания первобытной общины и всех последующих форм социума. Она остается основой государственности и в наши дни.

Как и у многочисленных высших приматов, у наших далеких предков долгое время сохранялась семейная организация социума и, соответственно, верховенство главы семейства, который обладал значительным авторитетом и влиянием, но в то же время нес бремя ответственности за безопасность и благополучие всего семейства, насчитывавшего порой десятки особей. Члены первобытного общества были равны, не делились на управляющих и управляемых. Вся жизнь (добыча и распределение пищи, брачно-семейные и иные отношения между членами семьи) подчинялась выработанным тысячелетиями обычаям и традициям, в которых закреплялись ритуалы, обряды, табу (запреты совершать определённые действия) и другие правила поведения в определённых жизненных ситуациях. Однако властные отношения здесь всё же существовали: члены семьи или рода подчинялись старейшинам или вождям. Это подчинение было основано на общепризнанном авторитете этих людей, подкреплённом возможностью силового воздействия на отказавшегося подчиниться. Как и другие члены семейно-клановой общины, вождь должен был руководствоваться традициями и соблюдать сложившуюся практику распределения коллективно добытого продовольствия, орудий охоты, предметов домашнего обихода. В противном случае он мог быть смещен и заменен другим. Этот институт, унаследованный от высших приматов, сохранялся в первобытном обществе, эволюционировал на протяжении тысячелетий и стал позднее исходной ступенью на пути становления государства.

Первоначально семейно-родовой клан по существу совпадал с первобытной общиной. Со временем, однако, выяснилось, что замкнутый семейный клан и существовавшая в нем полигамия и инцест вели к вырождению потомства и угрожали самому существованию рода. Это заставило ограничить внутрисемейные половые связи и вступать в браки преимущественно с членами других семей. Порождение семей привело к образованию более или менее крупных общин. Здесь проблема лидерства (вождизма) усложнилась. Из двух или нескольких лидеров приходилось выбирать одного, что не исключало межродовых конфликтов.

Таким образом, в течение всей доаграрной эпохи, то есть в течение 187-190 тысяч лет первобытное человечество и в экономическом и в социальном аспектах мало отличалось от других видов высших приматов, хотя в процессе эволюции общины природные инстинкты постепенно уступили место системе общественных связей, что сделало возможным поступательное развитие человеческого общества. Эти связи шаг за шагом стали базироваться на культовых, моральных и иных социальных нормах.

Экономические и социальные предпосылки рождения государства

Глубокие качественные сдвиги начались лишь около 10 тыс. лет назад или чуть раньше в процессе **неолитической (аграрной) революции**, когда общины первобытных людей стали переходить к земледелию и животноводству. Переход этот был долгим и географически разобщенным. В VIII- V тысячелетиях до н.э. он начался на Ближнем Востоке, потом, в V-III тысячелетиях до н.э. – в Европе и Америке, еще позже – на африканском континенте.

Переход от **собирательного к производящему хозяйству** стал прорывом первобытного общества в цивилизацию. Прежде всего, углубилось разделение труда, повысилась его производительность, а вместе с ней и продовольственная безопасность населения. Если первобытному охотнику с его луком и стрелами для выживания его семьи нужно было около 20 км² территории, то в условиях неолита такой площади хватало, чтобы прокормить несколько сот семей земледельцев. Более того, появилась возможность производить добавочный продукт, создавать запасы продовольствия. А это в свою очередь привело к появлению различных форм собственности на эти запасы (коллективной, семейной, частной).

В результате сложились условия для имущественного неравенства между отдельными семейными общинами, а также и внутри родовых кланов, для расслоения их на богатых и бедных, что в прошлом было исключено. Вместе с тем появление добавочного продукта создало почву для сбора натурального налога в закрома всего рода или племени, которые могли использоваться и для содержания вождя и его военизированной дружины. Наконец, эти излишки стали предметом обмена с соседними общинами на излишки их продукции. В конечном итоге это привело к зарождению товарного производства и примитивных рыночных отношений, которые выходили из-под контроля родового вождя.

Все эти сдвиги в экономике и социальной структуре рода (племени) требовали иной, более сложной системы организации внутривидовых отношений. В регионах поливного земледелия для получения больших урожаев требовались масштабные общественные работы – строительство и поддержание в рабочем состоянии ирригационных сооружений. Для организации таких работ нужна была более мощная властная структура, чем вождь племени вместе с его ближайшим окружением. Появилась необходимость регулировать сельскохозяйственное производство, нормировать и учитывать трудовой вклад каждого члена общества, его участие в создании общественных запасов, выдачи ему соответствующей доли из этих запасов. А это потребовало появления вокруг вождя организаторов и учетчиков живого труда членов общины, сборщиков налогов и других лиц, выполняющих управленческие и контрольные функции.

Вместе с тем появление добавочного продукта потребовало замены традиционной системы уравнительного распределения коллективно добытого продовольствия новой, основанной на заслугах отдельных членов рода. Это предоставило вождю право распределять избыточные доходы по своему усмотрению, не забывая, конечно, и самого себя. Эпоха уравнительного распределения коллективно добытого продовольствия уходила в прошлое. Расслоение общества порождало новые, неизвестные в прошлом социальные проблемы. Требовалась сильная властная структура, способная эффективно управлять такими проблемами и все более неоднородным обществом.

В отечественной науке о государстве долго господствовало марксистское представление о том, что государство – следствие раскола общества на классы. Заключенные на современную для них классовую борьбу К.Маркс и Ф. Энгельс не видели никаких других движущих сил формирования государств, кроме этой борьбы. «Государство, – писал Ф. Энгельс, – есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, расколосось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общества в бесплодной борьбе, для этого сала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка»¹. Еще категоричнее и примитивнее этот постулат трактовал В.И. Ленин: «Государство

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, 2 изд., т. 21, с.170.

возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия не могут быть примирены»².

В действительности все было гораздо сложнее. По мнению знатока этой проблематики профессора О.А. Омельченко, становление государства прошло через шесть стадий³. **Первая** из них – это формирование **социально-биологической иерархии** на основе членения общества по возрасту и иным физическим возможностям и способностям на группы, каждая из которых выполняет одинаково важные для жизни рода функции, хотя роль этих функций могла быть не однозначна. На этой стадии члены рода, как уже сказано, равны друг другу в правах и обязанностях. Тем не менее, благодаря первичному разделению функций уже на этой стадии внутри рода появляются устойчивые **лидеры**.

Через 2-3 десятка поколений такое лидерство перерастает в **социально-культурную иерархию**, когда биологические основы деления на старших и младших, на более сильных или ловких и менее сильных и ловких уступают место делению на *высших и низших*. Задолго до появления частной собственности и классов (в марксистской трактовке) распределительные, религиозные или военные полномочия закрепляются за высшими, что, естественно, дает им определенные привилегии. На этой **второй стадии** прежнее устойчивое социальное равенство всех членов рода сменяется устойчивым их неравенством. Лидерство превращается в общественную функцию, осуществляемую независимо от возможного несогласия отдельных членов рода. Незыблемость такой иерархии, обладающей общественной властью, способной принуждать отдельных членов рода к поведению в интересах всего рода, поддерживается религией, обычаями и общественным мнением.

На **третьей стадии** сложившееся устойчивое личное неравенство членов общины закономерно приводит к устойчивому неравенству распределения добытого общиной продовольствия и прочих материальных ценностей. Если раньше лидер общины распределял эти блага сразу после того, как они были добыты охотниками, произведены землепашцами или созданы ремесленниками, то теперь он стал удерживать часть полученных общиной ценностей и распределять их в дни родовых праздников или иных особых событий. В руках вождя и ближайшей к нему властвующей элиты впервые появилось материальное орудие власти – накопленный продукт. Внутриобщинная иерархия обретает характер экономически-социальной ие-

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 33, с. 7.

³ Омельченко А.О. Всеобщая история государства и права, том 1, М., 2000, с.17-19.

рархии. Это преобразование происходит тем активнее, чем быстрее ускоряется производство добавочного продукта.

Третья стадия сравнительно быстро перерастает в **четвертую – в становление надобщинных властных структур**. Это происходит уже в масштабе племени, включавшем несколько родов, объединенных единым языком, общей культурой, близкими верованиями, традициями и обрядами. Рост числа семейно-родовых общин и растущие связи между ними (не только брачных, но и хозяйственных) вело к образованию крупных образований – племен. Отличительные характеристики племени – это его территория, имя, язык (или диалект), свои религиозные и бытовые обряды. Органы племенного самоуправления возглавлял племенной совет, в который обычно входили вожди (старейшины) всех составлявших племя родов. Члены племенных советов, а также вождь племени избирались соплеменниками и могли быть ими смещены. Здесь богатство еще не прокладывает путь к власти, а стремление к власти не равнозначно надежде на обогащение. Тем не менее, власть и богатство уже тесно соседствуют.

Но само существование высшего управленческого слоя (вождей, священников, разного рода администраторов) стало возможным лишь после того, как появился добавочный продукт. Пока община выживала лишь за счет того продукта, который всем коллективом удавалось добыть за день и более или менее справедливо распределить между всеми его членами, о содержании за счет общины какой-то управленческой верхушки не могло быть и речи. Вожак семьи или рода должен был участвовать в повседневной охоте или в собирании плодов наравне со всеми, хотя при распределении добытого и мог получать несколько бóльшую долю. Специфически управленческие слои появились лишь тогда, когда часть избыточного продукта в форме дани или налога стало возможно выделять на их содержание. Истории известны факты попятного движения, когда из-за снижения добычи племени его уже сложившаяся иерархическая организация в конце концов разваливалась. Так случилось, например, на острове Пасхи⁴.

Четвертая стадия почти незаметно переходит в **пятую – в становление протогосударства**, или в иной терминологии **в чифдом** (от английского *chiefdom* – вождество). Для народов Востока это IV-I тысячелетие до н.э., для Северной Европы – конец первого тысячелетия до н.э. и первые века н.э., для народов Африки и Океании – длительный период вплоть до XVIII-XIX веков н.э. Чифдом объединяет

⁴ См. Классен Х. Дж. М. Было ли неизбежным появление государства? / Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006, с. 77.

несколько поселений вокруг одного крупного, как правило, храмового, центра с населением 5-6 тысяч. Такой центр подчиняет себе периферийные поселения, а также устанавливает вассальные отношения с соседями. Глава такой иерархии обладает правом мобилизации членов общин на проведение коллективных работ (ирригационных и других) и распределять полученный добавочный продукт между членами общин. Следующий уровень управленческой иерархии составляли главы подчиненных общин, в распоряжении которых были постоянные вооруженные отряды. В элите на разных ее уровнях входили служители религиозных культов, обеспечивавшие идеологически законность самой иерархической властной структуры и целостность данного племени.

На этом этапе оформляется система регулярного сбора дани как всеобщей повинности, а

также разного рода отработки в интересах рода. Материальные выгоды от этой ренты и отработок извлекаются уже не всем обществом, а теми, кто причастен к властной структуре и все более склонен рассматривать продукт коллективного труда как свою собственность. Потребление и общий уровень благосостояния такой правящей элиты начинает устойчиво отличаться от жизненного уровня рядовых членов общества. Экономическая дифференциация последнего приобретает политический характер. Общество необратимо делится на классы.

По схеме А.О. Омельченко, **на шестом этапе протогосударство превращается в раннее государство**. По мере развития производящей экономики и усложнения разделения труда все большая часть регулирующих функций переходит с уровня семейно-родовой общины на уровень племени. Семейно-родовые обычаи, обряды, другие традиции постепенно уступают место общеплеменным. Управление хозяйственными и другими делами племени, а также межплеменными отношениями шаг за шагом выделяется в специфический вид общественно полезной деятельности, которую осуществляет племенная элита. Это выражается в формировании сословий: жрецов, воинов, писцов, ремесленников, сборщиков податей и т. д. Начинается расслоение единой в прошлом культуры на культуру верхов и низов.

Обозначившийся на предыдущей стадии отход от коллективного присвоения продукта в сторону его индивидуализации порождает стремление к частной собственности. Это вызывает потребность в выработке правовых норм, регулирующих имущественные отношения, а вместе с ними и зачатков судебной системы. Параллельно формируются карательные органы и полицейская служба.

Особо следует отметить появление военной функции протогосударства. Аграрная революция внесла *качественные* изменения и в межродовые отношения. Появление добавочного продукта привело к обмену излишками добавочного продукта с соседними родами, к налаживанию между ними устойчивых хозяйственных связей, что расширяло набор пищевых продуктов в рационе каждого из них и шло им на пользу. Но в то же время появление накопленных запасов продуктов земледелия и животноводства порождало у соседних родов или племен соблазн поживиться этими запасами без всякого обмена, насильственным путем. Военные набеги стали столь же типичными для межродовых отношений, как и бартерный обмен продуктами труда. Кроме того, возможность создавать добавочный продукт позволила по-новому взглянуть на население поверженных родов. Раньше их во время набега их просто уничтожали, чтобы они не мешали грабить. Потом их стали угонять на свою территорию в качестве рабов, которые могли в течение какого-то времени не только себя прокормить, но и создать добавочный продукт. Это еще более стимулировало военную составляющую межродовых и межплеменных отношений. У протогосударства появилась новая важная функция – захват «ничейных» или чужих территорий и защита собственной. Войны становились повседневной реальностью.

Последний шаг, отделявший протогосударство от собственно государства, – это формирование сложной управленческой иерархии во главе с правителем, власть которого приобрела авторитарный и сакральный характер. В первых государствах появились полноценные и самостоятельные системы администрации, суда, финансов, подчиненные единым государственным нуждам, сложилась устойчивая традиция монархии как первого известного истории типа властвования. Наконец, на этом этапе власть и управление в обществе окончательно утратили свои исторические связи с родовым строем и клановым управлением, они совершенствовались, подчиняясь собственной внутренней логике⁵.

Разные народы сделали этот шаг в разное время в зависимости от того, когда они перешли от собирательного хозяйства к производящему. Первые государства возникли на Ближнем Востоке еще в IV-III веках до н.э., потом в Северной Индии, Китае, Юго-Восточной Азии в удобных для земледелия бассейнах крупнейших рек: Тигра и Евфрата, Нила, Инда, Ганга, Хуанхэ. У большинства народов Европы переход к государству произошел лишь в средние века. Длился он порой весьма долго. Становление Франкского государства продолжалось, например, с V в. по XII в. н.э.⁶ В

⁵ См. Омельченко О.А. Всеобщая история государства и права. М. 2000, с. 22.

⁶ См. Классен Х. Дж. М. Выше цит., с 80.

Африке южнее Сахары, Полинезии и некоторых других периферийных районах мира племенной или протогосударственный строй сохранялся до XIX-XX веков. Государство сформировалось здесь не столько в результате естественного саморазвития общества, сколько под давлением извне, со стороны колонизаторов, охотившихся за рабами или полезными ископаемыми. И все же в основе возникновения государства как формы организации социума лежал уровень развития производительных сил того или иного народа.

Все выше изложенное свидетельствует, что не столько государство – продукт раскола первобытного общества на антагонистические классы, сколько наоборот, саморазвитие иерархической организационно-управленческой структуры – государства раскололо общество на классы. Последние – побочный продукт этого саморазвития.

Для лучшего понимания дальнейших судеб государства важно остановиться на двух моментах этого процесса – на проблеме государственной территории и принципе государственного суверенитета.

Территория – материальная основа государственности

Материальной основой существования сначала первобытной семьи, потом рода, племени и, наконец, государства является его территория. Не только в смысле *locus standi* (места нахождения), но, что гораздо важнее, в качестве условия жизни и воспроизводства. Выживаемость рода или племени определялась имеющимися здесь почвенными и водными ресурсами, запасами рыбы в местных водоемах и зверя в местных лесах, она зависела даже от присущих данной территории климатических условий. В этом отношении наши первобытные предки не изобрели ничего нового. Они просто унаследовали практику высших животных, которые на протяжении многих тысяч лет обозначают границы «своей» территории и бдительно оберегают ее от других представителей данного вида.

С развитием производительных сил первобытного общества в результате аграрной революции, появлением добавочного продукта и межобщинного продуктообмена такая жесткая привязка выживаемости к территории несколько ослабла. Замечу попутно, что развитие такого обмена впервые привело к тому, что **территория проживания** перестала географически совпадать с **хозяйственным пространством**. Но все равно собственная территория оставалась альфой и омегой существования любого рода или племени.

Для человеческого социума, кроме того, понимание принадлежности к данной территории, противостоящей всему остальному окружающему пространству, порождало чувство солидарности у всех населяющих ее людей, или, в современной терминологии, политическое ощущение национальной идентификации. Эта общность неизбежно противопоставляет данный социум всем остальным, живущим за пределами его территории. Не удивительно, что территориальность играла первостепенную роль в истории становления государства, сохраняет эту роль в современной мировой политической системе и, по всей вероятности, в значительной мере сохранит ее в будущем.

Органическая связь территории с идентификацией конкретного рода или племени, а позднее – нации ассоциируется обычно с оседлым социумом. Но, как известно, существовали кочевые племена и даже кочевые государства. На просторах Евразии с середины I тысячелетия до н.э. до XVII века сменили друг друга немало таких государств. Некоторые из них, например, Тюркский каганат (VI век) или Монгольская империя (XIII-XIV века) достигали гигантских размеров. Не ставит ли это под сомнение тезис об органической связи территории с идентификацией конкретного рода, племени или государства? Нет, при всей подвижности географических границ таких социальных образований их экономической и политической основой оставалась их территория. Только она была их продовольственной базой и одновременно оплотом их политической силы. Человечество и тут шло по стопам некоторых видов животных. Многие приматы, копытные, киты, ластоногие занимают подвижные пастбищные зоны, границы которых ими охраняются от нашествия себе подобных.

Масштабы территории конкретного рода, племени определялись размерами сельскохозяйственной площади, необходимой для нормального существования данного союза семейных кланов, объединенных общностью языка, верований, обрядов и других традиций. Но с ростом численности населения такого союза появлялся соблазн расширить эту площадь, в том числе за счет соседей. Кроме того, на определенном этапе развития общества военные набеги на соседей стали источником дешевой рабочей силы – рабов, которые не входили в состав соплеменников и не пользовались их правами при распределении продовольствия и другой продукции. В отдельных случаях силовое расширение государственных границ принимало гипертрофированные формы. Вспомним формирование гигантской империи Александра Македонского (в 334-329 годах до н.э.) от Балкан до Индостана. Это, конечно, был перебор. Тем не менее, войны становились основной формой взаимоотношений между

государствами, хотя уже получила развитие международная торговля продуктами земледелия, животноводства и ремесла.

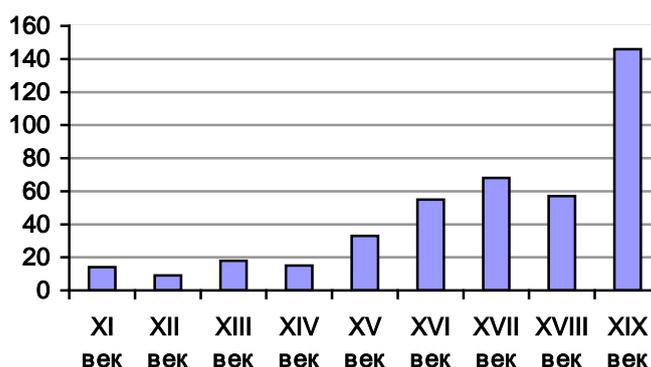
Государственный суверенитет

Именно войны послужили причиной появления международно-правового понятия «государственный суверенитет», включающего, наряду с прочим, принцип неприкосновенности территории. Главная угроза благополучию любого народа, если не считать засух и прочих стихийных бедствий, исходила от соседей. По мере развития военной техники и специализированной социальной структуры – армии захватнические и оборонительные войны стали повседневной практикой.

Уже в первом тысячелетии до н.э. состоялось 70 крупных войн, зафиксированных историками. В течение следующего тысячелетия произошло еще по меньшей мере 72 военных конфликта, не считая гражданских войн внутри стран. В дальнейшем войны между государствами или их коалициями становились все более частыми и кровопролитными (см. рис.1). Причем некоторые военные конфликты возобновлялись вновь и вновь. Так, первая московско-литовская война произошла в 1492-1494 гг., вторая – в 1500-1503 гг., третья – в 1507-1508 гг., четвертая – в 1512-1522 гг., пятая – в 1534-1537 гг.⁷

Рисунок 1.

Количество крупных межгосударственных войн

Источник: Список войн / Wikipedia – свободная энциклопедия.

⁷ См. Список войн / Wikipedia – свободная энциклопедия

Иногда войны принимали затяжной характер и растягивались на десятилетия. Так, война между Объединенными 17 голландскими провинциями за независимость от Испанской империи продолжалась при поддержке Англии и Франции восемь десятилетий (с 1568 г. по 1648 г.). Война между Габсбургской и Оттоманской империями за Балканы длилась 15 лет (с 1591 г. по 1606 г.). Одна из самых разрушительных войн в эпоху европейского средневековья за пересмотр баланса политических сил, продолжалась с 1618 г. по 1648 г. Она так и вошла в историю под именем Тридцатилетней войны. На стороне Евангелической лиги в ней участвовали Франция, Швеция, Чехия, Нидерланды, Англия, Шотландия, Саксония и поддерживавшие их Россия и Войско Запорожское, а на стороне Католической лиги Австрия, Бавария, Испания, Португалия, Польша и поддерживавшее их Крымское ханство.

Бесконечные войны причиняли неисчислимый урон экономике, изматывали население, тормозили социальное и культурное развитие. Объективно назревала необходимость если не положить конец этому перманентному бедствию, то хотя бы ограничить его масштабы. В этой связи существует представление, будто заключенные по окончании Тридцатилетней войны международные соглашения в Мюнстере и Оснабрюке (оба города на территории тогдашней Вестфалии) заложили основу новых международных отношений, так называемую Вестфальскую систему. Эта мифологема зиждется на позднейшей интерпретации некоторых положений Вестфальских соглашений, в первую очередь принципа государственного суверенитета.

На самом деле понятие государственного суверенитета было введено французским политиком и учёным Жаном Боденом еще в XVI в., первоначально сохраняло связь с европейским феодально-ленным правом и обозначало, прежде всего, неограниченность власти верховного сюзерена в противоположность власти вассальных правителей. В то время каноническое право, регулирующее межгосударственные отношения в Западной Европе, признавало верховную власть только за Римским папой. Главы государств оказывались в роли его вассалов. И только в 1648 г. в Вестфальских соглашениях был сделан шаг в сторону признания суверенных прав за всеми европейскими государствами, то есть освобождение европейских государств от положения вассалов Римского папы.

Его роль духовного регулятора взаимоотношений между светскими владыками попытались заменить равновесием сил европейских государств. Что же касается принципа невмешательства во внутренние дела и территориальной целостности государств, то Вестфальские соглашения о нем даже не упоминали. Более того, предусматривалось, что в случае нарушений этих соглашений Франция и Швеция могут

вмешаться в дела императора Священной римской империи, а тот, в свою очередь, вправе смещать правителей княжеств, допускающих противоправные действия⁸.

Лишь много позднее некоторые положения Вестфальских соглашений были канонизированы историками, юристами и политологами и стали считаться основополагающими принципами международного права. Речь идет о трех принципах:

- полная независимость национальных властей в управлении собственной страной, в том числе с применением насилия в отношении своих подданных;
- правовое равенство государств, невзирая на реальное неравенство их экономических и военно-политических потенциалов;
- невмешательство во внутренние дела государств со стороны других субъектов международного права.

Лежащий в основе Вестфальской системы принцип государственного суверенитета со всеми последующими его уточнениями просуществовал как общепризнанная норма почти 300 лет. Но ужасы гигантского по масштабам и беспрецедентного по бесчеловечности геноцида, осуществленного германскими нацистами в годы Второй мировой войны, варварские разрушения ими городов и сел, другие преступления против мира и человечества заставили мировое сообщество пересмотреть принцип невмешательства в дела суверенных государств и впервые в истории учредить Международный военный трибунал для суда над главными виновниками этих преступлений. По итогам Нюрнбергского процесса под эгидой ООН был утвержден ряд норм международного права, обязывающих государства соблюдать права человека и позволяющих в определенных случаях вмешиваться во внутренние дела государств, нарушая их суверенитет. Позднее Совет безопасности ООН санкционировал на этой основе вооруженную интервенцию сил по поддержанию мира в Сомали, Руанде и в ряде других стран.

Еще один аспект нарушения государственного суверенитета связан с наследием эпохи колониализма. Предоставляя независимость своим колониям, метрополии оставили за собой право поддерживать там внутреннюю стабильность и внешнюю безопасность, в том числе с помощью военного вмешательства. Франция, например, в начале 1960-х годов заключила со своими бывшими колониями соглашения о военном сотрудничестве, позволившие Парижу неоднократно направлять туда десанты французских парашютистов для восстановления порядка. Последняя подобная операция была проведена в апреле 2011 г. в Кот-д'Ивуаре, где французские десантники штурмом взяли резиденцию экс-президента Гбагбо, отказавшегося покинуть свой пост после проигранных выборов, что вызвало массовые беспорядки.

⁸ См. подробнее: Зонова Т.В. Вестфальская система // *Вестник МГИМО-Университета*, 2008, № 1, 78-80.

Наконец, 1 августа 1975 года 35 стран подписали Хельсинские соглашения, в которых, наряду с подтверждением общепринятых принципов о суверенном равенстве государств, впервые был закреплен принцип уважения основных прав и свобод человека, проживающего в любой стране. Это открыло путь если не к вооруженному, то к дипломатическому и политическому вмешательству извне во внутренние дела юридически суверенных государств.

Впрочем, и без санкции ООН и без соглашений о военном сотрудничестве великие державы стали наводить порядок в тех странах, где он, по их мнению, оказался нарушен. Вспомним гражданскую войну 1950-1953 гг. в Корее, в которую, отбросив разговоры о суверенитете, открыто вмешались США, а скрытно – СССР и КНР. В 1957 г. советские войска наводили порядок в Венгрии, в 1968 г. – в Чехословакии, в 1979 г.- 1989 г. – в Афганистане, а летом 1980 г. готовы были вторгнуться в Польшу. Не менее активно США наводили нужный им порядок в странах Латинской Америки. А в последние годы эта держава распространила такую практику и на другие районы мира. В 1999 г. США и их союзники напали на Югославию, в 2001 г. вторглись в Афганистан, в 2003 г. – в Ирак. А в 2011 г., выйдя за рамки резолюции Совета Безопасности ООН, США, Франция и ряд других государств НАТО начали военное вмешательство в гражданскую войну в Ливии.

Это далеко не полный перечень случаев игнорирования принципа государственного суверенитета. Участвовавшая практика таких интервенций, дала повод председателю Совета по международным отношениям США Ричарду Хаасу заявить, что «суверенитет – понятие скорее условное, даже договорное, чем абсолютное. Если некое государство спонсирует терроризм, создает оружие массового уничтожения или осуществляет геноцид, то оно расплачивается за это обычными выгодами суверенитета и подставляет себя для нападения, устранения или оккупации»⁹. Защитники государственного суверенитета сочтут такое умозаключение неприемлемым, возможно даже кощунственным. Но реалии нынешнего глобализирующегося мира качественно отличаются от тех, какие были в XVII или XVIII веках. В наши дни некоторые государства превратились в международных рассадников наркомании, терроризма и даже в тайных создателей оружия массового поражения, что представляет угрозу для многих стран. И с этим приходится бороться, в том числе силовыми методами.

Есть и еще один важный аспект устарелости Версальского миропорядка, Его главной задачей было исключение войн на основе равновесия военно-политических сил. Это осталось благим пожеланием. Наполеоновские войны в XIX веке, а потом

⁹ Haas R. Sovereignty // Foreign Policy, September/October 1995, p. 54.

две опустошительные мировые войны в XX веке, на фронтах которых (только двух последних) погибло 39 млн. человек, оставили от Вестфальского миропорядка одни руины¹⁰. А после того, как в 1960-х годах между США и СССР установился относительный баланс ракетно-ядерных вооружений, новая большая война стала невозможна. Национальное государство теперь пригодно лишь для локальных войн. Вестфальский порядок и в этом смысле утратил смысл.

Все это свидетельствует, что Вестфальские принципы стали явным анахронизмом. Вместо того, чтобы фанатично цепляться за них, нужно по возможности быстрее выработать новые нормы международного права, учитывающие современный уровень взаимозависимости стран и резко возросшую их уязвимость.

Правда, некоторые авторы пытаются отстаивать незыблемость Вестфальской системы, в первую очередь принципы государственной независимости и невмешательства во внутренние дела суверенных государств, с позиций идеологии «холодной войны». Заместитель директора украинского филиала Института стран СНГ, А.С. Филатов, например, уверен, что сторонники отмирания государства в условиях глобализации не случайно затеяли дискуссии о судьбах Вестфальской системы именно в 1990-х годах, как раз после распада СССР и Югославии. «Еще повзрослеть не успели бывшие советские и югославские республики, а им уже заявили, что эпоха национальных государств закончилась и пора переходить в наднациональные государственно-политические образования типа Евросоюза и НАТО», – пишет он¹¹. Оказывается, дело не в объективных процессах размывания многонациональных государств, а в коварных замыслах Вашингтона подчинить новорожденные постсоциалистические государства надгосударственным структурам. Примитивизм такого подхода, как говорится, ниже плинтуса.

¹⁰ На фоне этих фактов курьёзом звучит заявление председателя Конституционного суда РФ Валерия Зорькина: «Две мировые войны XX века не смогли поколебать эту систему, существенно окрепшую после создания ООН. И вот теперь, в начале XXI века, и особенно после событий 11 сентября 2001-го, возникла самая серьезная и самая вероятная угроза существованию Вестфальской системы, а значит, и самих основ конституционного устройства суверенных государств.» // Зорькин В. Апология Вестфальской системы – *Российская газета* 22 Августа 2006 г

¹¹ Филатов А. Вестфальская система как мифологема // *Национальные интересы*, <www.ni-journal.ru/rez/b9efc513>

Развитие государства как управленческой структуры

Возникшая на почве перезревшего догосударственного социума иерархическая управленческая структура поначалу, естественно, сохраняла некоторые рудименты прежнего способа управления обществом. Лишь со временем, по мере усложнения экономических отношений и дифференциации социальной структуры общества такое **раннее** государство эволюционировало, по мнению доктора философских наук Л.Е. Гринина, в **развитое** государство, а позднее и в **зрелое** государство. Ранним государством считается такая уже не опирающаяся на родственные отношения организация власти, которая обладает верховенством, способна аккумулировать и перераспределять общественные ресурсы и принуждать членов общества к выполнению своих требований¹². На этой стадии налоги на жителей еще не стали устойчивым источником средств государства. Их иногда заменяет дань или реквизиции с покоренных соседей, доходы от монополизированной государством добычи полезных ископаемых либо с особых государственных земель. Не появилась еще ни постоянная полиция, ни армия, которую нередко заменяет ополчение.

Словом, это было недостроенное государство. «Некоторые ранние государства могли базироваться на незерновом сельском хозяйстве, другие – существовать без товарно-денежных отношений и внутреннего рынка, иные – без письменности и письменного права и судебной системы, третьи – без постоянных налогов или постоянного войска, четвертые – обходиться без централизации и профессиональных чиновников...»¹³. Правда, иногда складывались управленческие структуры с избыточным бюрократическим аппаратом, регламентировавшим все и вся, препятствуя естественной стратификации социума. Например, в Месопотамии (государство Хаммурапи), в Египте времен Древнего царства, в Центральной Америке (империя Инков).

Нестыковки между формировавшейся управленческой структурой и социально-экономическим и культурным уровнями развития общества устранялись в ходе многочисленных переворотов и реформ на протяжении многих лет. В конечном итоге складывалось полноценное развитое государство. У разных народов это произошло в разное время. В Египте – в XVI в. до н.э., в Китае – в конце III в. до н.э., в Риме – в конце I в. н.э., в Персии – в III-IV в. н.э. Франция вступила в эту стадию в

¹² Гринин Л.Е. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории // История и современность. 2006, № 1, с. 6.

¹³ Там же, с. 19.

конце XIII в., Япония, Англия и Испания – в XV в., Индия и Россия – во второй половине XVI в.¹⁴

Новым историческим рубежом в развитии мирового социума стала **промышленная революция**, заменившая ручной труд машинным. Этот процесс начался в недрах аграрной экономики в форме домашнего ремесла задолго до появления машин. Сезонность сельскохозяйственных работ оставляет значительные периоды времени, когда крестьянам некуда приложить свои руки и знания. На этой почве в Европе, Южной Азии и других регионах мира издавна развилось сельское ремесло: производство пряжи и тканей, одежды и обуви, предметов домашнего обихода и т.п. Разумеется, веретено, ручная прялка или гончарный круг – лишь прообразы будущих машин. Тем не менее, домашнее ремесло позволяло увеличить валовую продукцию семьи без роста численности трудовых ресурсов, а значит, и уровень благосостояния, крестьянской семьи и без расширения площадей пахотной земли. Однако долгое время двигательной силой для этих механизмов оставалась мускульная энергия самих людей, в лучшем случае – рабочего скота. Много позднее в качестве двигательной силы стала использоваться энергия падающей воды.

Со временем в такое **протоиндустриальное** производство в качестве посредников между сельскими ремесленниками и покупателями их избыточной продукции вмешались торговцы. Это привело к развитию товарно-денежных отношений, а потом и мануфактурного производства в форме специализированных ремесленных мастерских, перекочевавших из сельской местности в пригороды и города. Отсюда открывался прямой путь к индустриализации в полном смысле этого слова.

Она повлекла за собой глубокие социально-экономические изменения в жизни общества. Прежде всего привела к существенным сдвигам в структуре производства. В совокупном продукте растет доля промышленности и связанных с ней отраслей инфраструктуры (строительство, транспорт и т. п.) и, соответственно, падает доля сельского хозяйства и прочих традиционных отраслей. Эти сдвиги отражаются на структуре занятости населения. Если в 1870 г. в сельском хозяйстве Великобритании было занято 22,7 % трудоспособного населения, то к 1913 г. там осталось 11,7, к 1950 г. – 5,1, а к 2000 г. – 1,5 % населения. Во Франции аналогичные показатели составили 49,2; 41,1; 28,3 и 1,3%; в США – 50,0; 27,5; 12,9 и 2,6%¹⁵. Такие сдвиги породили устойчивую внутривосточную миграцию населения из сельской местности в города – урбанизацию.

¹⁴ Там же, с.21.

¹⁵ См. Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М., 2005, с. 31.

Далее, труд на промышленных предприятиях с их сложной техникой и специфическими технологиями производства предполагает растущий уровень не только грамотности, но и достаточно серьезное специальное обучение работника. Поэтому неизбежной спутницей индустриализации становится растущая образованность все более широких слоев населения. Этому благоприятствует и урбанизация: организовать учебу в школах, а тем более в высших учебных заведениях гораздо легче в городе, чем в сельской местности.

Все это обеспечило сравнительно высокие и устойчивые темпы роста производительности труда. По подсчетам профессора Калифорнийского университета Ирмы Адельман, среднегодовой темп прироста производительности труда в странах ОЭСР в период первичной индустриализации (1820-1913 гг.) ускорился почти в 7 раз по сравнению с доиндустриальной эпохой (1700-1820 гг.). Благодаря этому среднегодовой прирост подушевых доходов ускорился за то же время в 6 раз ¹⁶.

Столь кардинальные сдвиги в экономике и социуме в целом не могли не сказаться на государстве. Долгое время оно ограничивалось ролью защитника национального экономического пространства от слишком напористых внешних конкурентов и по совместительству выполняло функцию «ночного сторожа» при частных предпринимателях. Все это осуществлялось преимущественно силовыми методами. Экономические функции государства в ту пору ограничивались взиманием налогов с подданных и распределением полученных таким путем доходов казны на содержание армии, строительство крепостей и дворцов, на прихоти правящей элиты.

Возникновение тандема «государство-рынок»

Лишь с развитием ремесел и торговли, в том числе внешней, государственные институты стали присматриваться к доходам ремесленников и купцов. Сначала с точки зрения их налогообложения, а потом и с целью создания условий для того, чтобы эта курица могла нести все более крупные золотые яйца. Рынок демонстрировал все новые свои скрытые возможности и шаг за шагом завоевывал признание не только среди хозяйствующих субъектов, но и в правящих сферах. Именно он послужил той благодатной почвой, на которой стали рождаться все новые изобретения, позволявшие многократно повысить производительность труда, ускорить экономический рост и поднять благосостояние общества. В этих условиях государство из полноправного господина шаг за шагом превратилось в партнера рынка. С одной

¹⁶ Adelman I. The Genesis of Current Economic System. P. 1-2. (<http://arc.berkeley.edu/~adelman/REYNOTE.doc>)

стороны, оно стало создавать материальные, социальные и правовые условия для эффективной работы частного бизнеса, а с другой – корректировать перекосы и эксцессы рыночного механизма.

В Англии, а потом и других странах, вступавших на путь индустриализации, сформировался тот неразрывный тандем «невидимой руки рынка» и вполне осязаемой, порой весьма тяжеловесной, руки государства, который с тех пор определяет экономическое развитие любой страны. «Парадокс рынков, – отмечает известный гарвардский экономист Дэни Родрик, – состоит в том, что процветают они не в условиях *laissez-faire*, а под бдительным оком публичных институтов»¹⁷. Не всегда это партнерство оставалось дружелюбным. В периоды войн власти нередко взвинчивали налоги и прочие повинности, душившие производство и торговлю. Но в целом сохранялся своеобразный тандем, в котором государство предоставляло рынку значительную свободу действий, оставаясь на периферии экономики.

Так продолжалось до Первой мировой войны, которая потребовала от втянутых в нее государств крайнего напряжения сил и мобилизации всех людских, материальных и финансовых ресурсов. Вмешательство государства в экономику достигло беспрецедентных масштабов. После войны и восстановительного периода попытались вернуться к прежней модели хозяйствования *laissez faire*, как внутри стран, так и в мировой экономике, в том числе к золотому стандарту в международных расчетах. Но это удалось лишь частично, поскольку появились новые внутри- и внешнеэкономические факторы, требующие государственного вмешательства. Внутри стран – развитие естественных монополий; создание инфраструктурных систем общенационального значения (транспортные магистрали, водоснабжение, электрификация, телекоммуникация и т.п.), которые не под силу частным предпринимателям; необходимость повышать уровень образования населения, поддерживать науку и т.д. Во внешней сфере – крах золотого стандарта и переход к гораздо более сложным международным расчетам, требующим тщательно продуманной денежной и валютной политики; мировые кризисы перепроизводства, порождающие всплески безоглядного протекционизма; начало массовой миграции трудовых ресурсов, утечка капитала и т.п. Все это требовало усиления государственного вмешательства в экономические процессы.

Но одновременно появлялись факторы, расширяющие сферу действия рыночного механизма. Прежде всего, за счет денатурализации сельского хозяйства и вовлечения миллионов крестьянских семейных хозяйств в рыночные отношения.

¹⁷ Rodrik D. Feasible Globalization // *NBER Working Paper* 9129, September 2002, p. 4.

Другая причина его расширения – это развитие сферы услуг личного и производственного характера. Первые в прошлом замыкались в основном в семейных ячейках и почти не соприкасались с рыночной средой. Но шаг за шагом все большая часть таких услуг перетекает к специализированным фирмам и опосредуется рынком. В еще большей степени такой процесс охватывает производственные услуги, которые первоначально предоставлялись внутри фирм. Третья причина – бурное развитие финансовой сферы, появление здесь все новых инструментов кредитования, инвестирования капитала и страхования рисков. Все эти инструменты неотделимы от рыночных отношений. Наконец, нельзя забывать о нарастающей по экспоненте коммерциализации разнообразных видов информации в широком диапазоне от рекламы до новостей.

Так два различных, во многом противоположных механизма вынуждены были не просто сосуществовать, но и взаимодействовать, притираясь друг к другу. Их сосуществование постепенно переросло в прочный симбиоз. «Государство, дополняя и облагораживая рынок, выправляя отдельные его “провалы”, работает с ним в одной упряжке, – отмечала И.М. Осадчая. – Только вместе они образуют то, что ныне именуется цивилизованной смешанной экономикой»¹⁸. Но это не застывшая модель хозяйствования. Под напором объективных обстоятельств она в ходе нескончаемых проб и ошибок постоянно совершенствуется.

Исключением из этого правила в XX в. явились Советский Союз, а затем по его примеру (или под его давлением) европейские страны СЭВ, Монголия, Китай, Вьетнам, Северная Корея, Куба и некоторые другие страны, попытавшиеся развиваться по «некапиталистическому пути». почти полностью заменив рыночное регулирование экономики централизованным государственным управлением. Рыночные регуляторы здесь были оттеснены на периферию хозяйственной жизни.

Такая мобилизационная модель догоняющей индустриализации в течение некоторого времени позволяла обеспечить довольно высокие темпы роста промышленного производства. С 1929 г. по 1960 г. его среднегодовой прирост в СССР, например, составил 5,4% против 2,7% в развитых странах Запада. Со временем, однако, исчерпались возможности выкачивания ресурсов из сельского хозяйства, доведенного до истощения и уже не способного обеспечить страну продовольствием. Внутренние резервы для финансовой накачки промышленности оскудели. Вместе с тем, избавленная от конкуренции государственная промышленность была низкорентабельной, ресурсо- и энергоемкой и требовала все больших инвестиций, которых взять было

¹⁸ Осадчая И.М. Постиндустриальная экономика: меняется ли роль государства? // «МЭиМО» 2009, № 5, с. 32.

неоткуда. У государственных предприятий не было стимулов внедрять новые технологии. Все это обусловило угасание темпов роста промышленного производства. В 1961-1970 гг. у нас они снизились до 4,2%, а на Западе повысились до 5,8%, в 1971-1980 гг. эти показатели составили соответственно 2,6 против 3,4%, в 1981-1990 гг. – 0,7 против 3,1%¹⁹. Крах командно-распределительной экономики становился неизбежным, что и произошло в конце 80-х годов.

Рухнула такая модель регулирования и в большинстве других социалистических стран. Сегодня мы наблюдаем ее демонтаж на Кубе. Правда, в Северной Корее она остается неприкосновенной, несмотря на то, что, по сведениям зарубежных газет, значительная часть населения здесь голодает и питается травой.

В капиталистических странах государственное регулирование экономики постепенно усиливалось, особенно в период экономических кризисов. Переломным рубежом здесь стала «великая депрессия» 1929-1933 годов, поразившая 32 развитых страны Запада. Эта катастрофа заставила пересмотреть действующую модель. Джон Мейнард Кейнс нашел, что рынок не способен самостоятельно и быстро самонастраиваться²⁰. На помощь ему должно прийти государство. Во избежание перепроизводства товаров и услуг оно должно поддерживать «эффективный спрос», как личный, так и производственный (инвестиционный). Гарантацией высокого личного спроса он считал высокий уровень занятости населения, получающего зарплату. А для обеспечения такой занятости государство должно стимулировать инвестиции. Прежде всего, путем бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики. Это предполагает рост государственных расходов, покрывать которые он рекомендовал путем повышения налогов на наиболее обеспеченные слои населения.

Эта концепция позволила США и другим странам Запада справиться с «великой депрессией». Кейнсианство доминировало и в последующие десятилетия, тем более, что подготовка ко Второй мировой войне и сама это война объективно способствовали усилению вмешательства государства в экономику. Послевоенное восстановление экономики и ее перестройка в Западной Европе, Японии, на Тайване, в Южной Корее и других странах происходило при активной регулирующей роли государства. В ряде капиталистических стран были даже национализированы ключевые отрасли промышленности. Вплоть до 1970 г. в развитых странах не было ни существенных спадов производства, ни массовой безработицы, экономика быстро росла. Но потом кейнсианская модель начала давать сбои. Во-первых, размеры взимае-

¹⁹ Подсчитано по: Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет. М., 2003, с. 545-546.

²⁰ См. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М. 1978.

мых налогов достигли предела. Если до 1913 г. они в среднем не превышали 10% ВВП, то теперь возросли до 40% и более. Во многих странах возник устойчивый бюджетный дефицит. Во-вторых, изъятие значительной части доходов компаний путем налогов и сопровождающая это бюрократизация системы государственного регулирования стали препятствием научно-технического прогресса, который в обстановке научно-технической революции стал условием выживания любой страны. В-третьих, почти полная занятость позволила профсоюзам регулярно требовать повышения заработной платы, что вело к ползучей инфляции. Сдерживать ее кейнсианскими мерами было невозможно.

Последней каплей стал кризис 1970-1971 гг. Впервые за одиннадцать лет прирост реального ВНП оказался в США отрицательным, а безработица впервые составила 6%. Но что намного хуже – не снижалась инфляция. Это стало сюрпризом, поскольку прежде одним из "положительных" результатов экономических спадов всегда становилось снижение цен. Возникла неизвестная прежде «стагфляция». Неолибералы во всем этом обвинили чрезмерное вмешательство государства в жизнь частного бизнеса. Возобладало представление, что оно является лишь помехой успешному экономическому развитию и должно быть сведено к минимуму.

С приходом в 1980 г. к власти в США Рональда Рейгана, а в Англии – Маргрэт Тэтчер начался полный отказ от принципов кейнсианства: подавление инфляции, стимулирование инвестиций, а не потребительского спроса, повышение международной конкурентоспособности экономики. Благосостояние населения и занятость отошли на второй план. Концептуальной основой такой политики стал монетаризм, основное правило которого состоит в том, что денежное предложение должно расширяться с такой же скоростью, как и темп роста реального ВВП. По мнению монетаристов, постоянно увеличивающееся денежное предложение должно поддерживать расширяющийся спрос, не вызывая при этом роста инфляции. И это может устранить непредсказуемое влияние кейнсианской антициклической кредитно-денежной политики. За США и Англией на путь неолиберализма вступили и другие страны Западной Европы.

Об этом повороте весьма нелицеприятно сказал в 2003 г. первый вице-президент Всемирного банка Жан-Франсуа Ришар: «Сегодня, когда модель централизованного планирования ушла навсегда, все больше политиков видят в рыночной экономике средство решения всех проблем. То ли из-за мыслительной лени, то ли в результате бесхитростного следования идеологии эти «фундаменталисты» свободного рынка никак не хотят понять, что если сторонников централизованного плани-

рования экономики можно отнести к разряду кретинов или тупиц, то рынок – сущий идиот. Но идиот деятельный: достаточно предоставить ему свободу действий, и он примется бездумно штамповать одно и то же»²¹. В подобном благодушии в отношении рынка таятся две серьезные опасности. С одной стороны, рынок не решает социальных проблем, которые обостряются по мере неуклонного роста населения планеты. «Если доверить рынку решение всех наших задач, – предупреждает Ж.-Ф. Ришар, – то через двадцать лет нас ждет множество ненужных социальных потрясений и массы протестующих на улицах». С другой стороны, предоставленный самому себе рынок, успешно решая текущие проблемы, в долгосрочном плане по мере исчерпания ресурсов Земли создает новые проблемы²².

Так в ходе периодических колебаний то влево, к дирижизму, то вправо, к либерализму мировое сообщество шаг за шагом модифицирует механизм регулирования экономических процессов, а заодно и тесно сопряженных с экономикой социальных процессов. При этом государственная составляющая постепенно совершенствуется и увеличивается. Измерить это увеличение и, соответственно, сдвиги в упомянутом тандеме весьма сложно, поскольку государство воздействует на хозяйственные процессы по многим каналам. Начиная с налогов и бюджетных субсидий и кончая правовым регулированием сферы образования и средств массовой информации. Значительная часть этих воздействий государства вообще не поддается количественной оценке. Масштабы присутствия государства в экономике можно нащупать лишь приблизительно по косвенным показателям.

Наиболее подходит для этого доля государственных расходов в ВВП страны. Речь идет о социальных трансфертах, расходах на оборону, поддержание общественного порядка, инвестициях в инфраструктурные и другие отрасли национальной экономики и т.п. В развитых странах совокупные правительственные расходы (как центральных, так и местных органов власти) после первой мировой войны медленно, но неуклонно нарастают (см. табл.1). Крутой их взлет в Германии и Японии в 1938 г. был связан с их подготовкой к войне. В послевоенные десятилетия доля правительственных расходов всюду уже не опускалась ниже уровня 1929 г. и продолжала увеличиваться. Некоторое замедление этого тренда в Англии, США и Нидерландах в 1990-х годах обусловлено, по-видимому, упомянутым выше сдвигом в сторону либерализации тандема «рынок-государство».

²¹ Ришар Ж.-Ф. Двадцать лет спустя // *Россия в глобальной политике*, 2003, № 2, с. 162-163.

²² Там же, с.163.

Таблица 1

**Совокупные правительственные расходы шести развитых стран
(в % к ВВП)**

	1913	1929	1938	1950	1970	1980	1090	2000	2010
Франция	8,9	12,4	23,2	27,6	38,5	46,1	49,4	51,6	53,2
Германия	17,7	30,6	42,4	30,4	38,6	48,3	43,6	45,1	44,0
Англия	13,3	23,8	28,8	34,2	38,8	44,9	41,9	37,0	48,9
Нидерланды	8,2	11,2	21,7	26,8	43,9	57,5	54,9	44,2	46,3
США	8,0	10,0	19,8	21,4	31,6	33,7	37,1	34,2	39,9
Япония	14,2	18,8	30,3	19,5	19,4	32,6	32,0	39,0	37,5

Источники: Maddison A. *Dynamic Forces in Capitalist Development*. N.Y., 1991, p.77;
OECD *Economic Outlook*, June 1990, Reference Table 15 and June 2009.
Appendix Table 25.

Исторически доля государственных расходов в ВВП растет по мере трансформации стран из развивающихся в развитые. Эксперты ООН подсчитали, что, например, в 1997 г. расходы центральных правительств 19-ти развитых стран составляли в среднем 36,8 % их ВВП, 12-ти переходных государств – 31,3%, 50-ти развивающихся – 25,0%²³. Это вызвано расширением социальных функций постиндустриального государства²⁴.

Другая важная закономерность связана со степенью открытости национальной экономики по отношению к внешнему миру. Она измеряется процентным отношением внешнеторгового оборота страны к ее ВВП. Чем больше открытость, тем острее влияние внешней среды на экономику и социальную сферу страны, тем активнее и эффективнее государство должно смягчать негативные последствия этого влияния или, наоборот, способствовать благотворным его аспектам. Подсчеты показывают достаточно явную корреляцию между экономической открытостью стран и ростом государственных расходов. По всей вероятности, эта тенденция сохранится и в обозримой перспективе. Можно ожидать, что в экономически открытых странах рост государственных расходов относительно их ВВП продолжится.

Обе эти тенденции, казалось бы, дают основание утверждать, что государство в условиях глобализации не ослабевает, а, наоборот, укрепляет свои позиции в национальной экономике и в социальной сфере. Но это опрометчивое суждение.

²³ UN. *World Public Sector Report. Globalization and the State.*, N.Y., 2001, p.154 (Здесь приведены расходы только центральных правительств, которые, естественно, меньше, чем использованные в таб.1 совокупные правительственные расходы).

²⁴ См. подробнее в упомянутой выше статье И.М. Осадчей.

Технический и социальный прогресс и демократизация государства

Стремительное развитие науки и техники в последние десятилетия вносит глубокие изменения в структуру общества и во взаимоотношения между обществом и государством. В развитых странах мира, а также в новых индустриальных странах (НИС) в 1980-е–1990-е годы стала быстро прогрессировать микроэлектроника. На передний край технического прогресса вышли электронная промышленность, компьютерные и информационные технологии, телекоммуникации, оптоэлектроника. Сформировалась глобальная информационная сеть Интернет. В обрабатывающей промышленности стали развиваться гибкие автоматизированные производства, что существенно расширило разнообразие выпускаемой продукции и позволило быстро менять ее модели. Стала внедряться робототехника. Были созданы новые конструкционные материалы, развивалась микробиология и созданные на ее основе биотехнологии. Быстро прогрессировали тонкие химические технологии. Внедрялись ветряные и солнечные источники энергии.

В 2000-х годах появились признаки формирования еще более высокого технологического уклада, опирающегося на синтез компьютерных технологий с нанотехнологиями и биотехнологиями. Использование нанотехнологий, оперирующих на уровне одной миллиардной метра, позволяет менять молекулярную структуру вещества, придавать ему новые свойства, проникать в клеточную структуру живых организмов, видоизменяя их. Развитие nanoиндустрии перспективно для получения новых конструкционных материалов, полупроводниковых приборов, фармацевтических препаратов. Понятно, что этот уклад предполагает высокий уровень научных знаний и активное участие интеллекта на всех этапах разработки и реализации производственных процессов.

Вместе с тем погружение в биотехнологии и нанотехнологии требует скоростной обработки огромных массивов информации, что стало возможным благодаря стремительному прогрессу компьютерных технологий. Новые поколения суперкомпьютеров могут обрабатывать данные со скоростью до 100 и более триллионов операций в секунду. Это многократно увеличивает интеллектуальный потенциал, ускоряет добычу и накопление знаний. Из всего их объема, накопленного человечеством, 90% получено в последние 30 лет²⁵. Развитие информационных и компьютерных технологий создало качественно новую среду для процветания науки и ее практического применения. Похоже, что на рубеже XX и XXI веков человечество начало всту-

²⁵ Макаров В.А. Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской академии наук. 2003. № 5. С. 450.

пать в новый способ производства материальных благ и услуг – **в экономику знаний**. Если в эпоху промышленной революции главной производительной силой были созданные человеком машины, оттеснившие на задний план природные ресурсы, то теперь на первое место выходит сам интеллект человека, освобожденный от информационных и технических ограничений.

Эта нарастающая лавина технического прогресса качественно изменяет всё общество индустриальных и постиндустриальных стран. Растущая сложность производственных процессов и способов коммуникации требует соответствующего повышения общей грамотности населения и специального обучения работников разных профессий. Уровень образования общества быстро растет и меняет его социальную структуру. Повышается социальная мобильность общества. Прежнее деление его предпринимателей и наемных работников начинает размываться, уступая место более дробной социальной структуре. Такие новые ее слои менее устойчивы и менее сплочены. Они различаются не столько по положению в общественном производстве, сколько по уровню подушевых доходов. Так сложилось понятие «средний класс», который по численности становится основным. Возрастает роль социального законодательства, забота государства о сокращении поляризации общества. «Государство, – пишет Л.Е. Гринин, – из классового постепенно становится **социальным**, то есть государством, которое проводит активную политику поддержки малоимущих, социально незащищенных, ограничивает рост неравенства²⁶.

В таких условиях меняется и государственное устройство. Жестко централизованная властная структура во главе с единоличным лидером (монархом, диктатором, фюрером) уступает место демократически избранным и сменяемым президентам и правительствам. Времена, когда король Франции Людовик XIV мог не без основания заявить «L'Etat c'est moi» (государство – это я), а советский вождь одним росчерком пера (правда, под грифом «совершенно секретно») мог санкционировать расстрел тысяч ни в чем не повинных людей, уходят в прошлое. Правда, уходят медленно, прерываясь рецидивами.

Такие преобразования касаются главным образом промышленно развитых стран. Остальные государства более или менее значительно отстают от них. Первопричина в том, что промышленная революция происходила не одновременно. В Англии она, как известно, началась в 1760-х годах. Оттуда она в 1830–1860-х гг. распространилась на Францию в 1850–1890-х – на США и Германию, в 1870-х – на скандинавские страны, в 1880-х – дошла до Японии. Гораздо позднее она пришла в

²⁶ Гринин Л.Е. Выше цит., с. 31.

страны мировой периферии. Со временем их отставание еще больше увеличилось. Если в прошлом догоняющие страны отставали от лидеров индустриализации на одно-два поколения (25- 50 лет), то в большинстве нынешних развивающихся регионов индустриализация и сопровождающие ее социальные сдвиги начались лишь через два столетия после ее старта в Западной Европе. Чем это вызвано?

Прежде всего, общим отставанием социально-экономического развития мировой периферии от обозначившегося к XV- XVII векам мирового авангарда. Но, кроме того, эта периферия столкнулась со специфическими трудностями. Внедрение машинного производства в Англии, Франции, Германии и других странах авангарда позволило им значительно снизить издержки изготовления текстильных и прочих товаров легкой промышленности, производство которых к тому времени было достаточно развито на домашней технологической основе во многих странах Азии, Латинской Америки и Африки. Дешевые промышленные изделия хлынули из стран Запада на рынки доиндустриальных стран, разоряя местных товаропроизводителей. Особенно сильно пострадали в этом смысле те страны, которые оказались в XIX в. в положении колоний и полукolonий западноевропейских держав и вынуждены были снять свои таможенные барьеры, защищавшие местные рынки от нашествия готовых изделий из метрополий.

В результате сложившиеся в периферийных странах предпосылки индустриализации были в значительной мере разрушены, а многие работники мануфактур и ремесленных мастерских вынуждены были вернуться к земледелию. Так, доля занятых в сельском хозяйстве Индии повысилась с 62-65% в 1870 г. до 72-74% в 1911 г., в Бразилии – с 60-62% в 1872 г. до 70-71% в 1920 г., в Мексике – с 62-64% в 1895 г. до 71-72% в 1921 г., в Таиланде – с 75-77% в 1929 г. до 79-80 % 1937 г.²⁷ Такой откат назад, к аграрному сектору экономики, естественно, отодвинул сроки начала индустриализации многих стран мирового арьергарда.

Конечно, во многих колониальных и полуколониальных странах создавались предприятия добывающей промышленности, поставлявшие сырье для обрабатывающих отраслей в метрополиях. Но эти добывающие предприятия принадлежали иностранцам, управлялись ими и работали в основном на экспорт. Состоящий почти целиком из сырьевых товаров экспорт развивающихся стран за эти годы увеличился (в текущих ценах) в пять раз. Но стимулирующее воздействие добывающей промышленности на местную экономику было невелико. И все же европейский колониализм исподволь способствовал некоторой модернизации периферийных регионов мира. «Значи-

²⁷ Мельянцеv В.А. Основные тенденции, факторы и противоречия экономического роста развивающихся стран в 1950- 1990 гг., с 28 < http://www.iaas.msm.ru/pub_e.online >

тельное падение транспортных расходов (в XIX в. – в среднем в 15-20 раз), приток товаров и капиталов в периферийные страны помогали создавать здесь элементы экономической и – в меньшей мере – социальной инфраструктуры, – отмечает В.А. Мельянцев. – В таких условиях отсталые общественные системы многих периферийных стран подверглись некоторой перестройке и модернизации»²⁸.

В последние десятилетия отрыв развивающихся стран от развитых заметно сократился, а технологические, экономические и социальные новшества распространяются от этого авангарда по миру, как круги по воде. Тем не менее, экономическое отставание стран мировой периферии остается значительным. И это не может не сказаться и на развитии ее государственности. Трансформация зрелого государства в социальное государство здесь сильно запаздывает, что нередко приводит к острым социальным конфликтам. Менее развитые страны, как правило, отстают по уровню эффективности государственного регулирования, по грамотности экономической политики, по степени коррумпированности государственного аппарата и, соответственно по уровню демократии. Эта закономерность достаточно явно прослеживается с помощью рейтингов, рассчитываемых экспертами Всемирного банка Даниэлем Кауфманом, Аартом Крааем и Массимо Мастроззи. (См. табл. 2). Это показатели демократии (возможности участия граждан в выборе своего правительства, свободе выражения мнений, создания ассоциаций, свободе средств массовой информации); эффективности правительства (качество гражданских служб, независимость их от политического давления, степень соответствия обязательств правительства реальным результатам политики); качества регулирования (способность правительства формулировать и воплощать в жизнь политику, которая содействует развитию частного сектора); соблюдение закона, (уважение общественных норм, особенности соблюдение контрактов, права собственности, действенность полиции и судов в отношении возможного криминала); контроль над коррупцией (степень заботы властей о частом благе, в том числе противодействие «захвату» государства элитами). Все эти рейтинги колеблются в диапазоне от + 2,5 до -2,5 от медианы. Чтобы исключить случайные их колебания, по каждой стране приведены усредненные показатели за год.

Неэффективное регулирование, низко квалифицированный и коррумпированный государственный аппарат приводят к неудовлетворительному росту экономики, высокой безработице, социальному расслоению и нарастающему недовольству населения.

²⁸ Мельянцев В.А., с. 10-11.

Таблица 2

**Эффективность управления и уровень демократии в различных странах
в 2008 г.**

Страна	Эффективность правительства	Качество регулирования	Уважение закона	Контроль коррупции	Уровень демократии
Швеция	1,99	1,68	1,90	2,24	1,53
Нидерланды	1,68	1,75	1,76	2,19	1,53
Швейцария	2,06	1,66	1,86	2,15	1,45
Бельгия	1,36	1,48	1,38	1,35	1,37
Германия	1,65	1,46	1,72	1,77	1,34
Франция	1,54	1,25	1,40	1,43	1,24
США	1,65	1,58	1,65	1,55	1,12
Япония	1,46	1,23	1,40	1,25	0,96
Тайвань	0,88	1,07	0,77	0,55	0,70
Юж. Корея	1,26	0,73	0,79	0,45	0,59
Таиланд	0,11	0,26	-0,03	-0,38	0,56
Индия	-0,03	-0,21	0,12	-,37	0,45
Аргентина	-0,18	-0,65	-0,61	-0,44	0,32
Украина	-0,60	-0,39	-0,62	-0,72	0,03
Габон	-0,70	-0,65	-0,62	-1,07	-0,84
Россия	-0,32	-0,56	-0,91	-0,98	-0,97
Египет	-0,37	-0,17	-0,09	-0,67	-1,19
Эфиопия	-0,43	-0,86	-0,60	-0,66	-1,30
Иран	-0,75	-1,63	-0,80	-0,71	-1,48
Белоруссия	-1,11	-1,24	-1,00	-0,79	-1,60
Китай	-0,24	-0,22	-0,33	-0,44	-1,72
Сирия	-0,67	-1,17	-0,54	-1,07	-1,75
Ливия	-0,84	-0,93	-0,65	-0,81	-1,90
Узбекистан	-0,68	-1,41	-1,18	-1,08	-1,90
Сев. Корея	-2,12	-2,28	-1,06	-1,74	-2,21
Мьянма	-1,68	-2,24	-1,48	-1,69	-2,24

Источник: Kaufman D., Kraay F., Mastruzzi M. Governance Matter VIII: Aggregate and Individual Governance Indicators 1996–2008 // World Bank, June 2009, Appendix tables C 1, C 3, C 4, C.5, C.6.

В ответ не способная исправить положение власть ограничивает гражданские права и свободы усиливает элементы авторитаризма. Государство и общество все более оказываются по разные стороны баррикад. На Арабском Востоке, например, многие годы нарастала социальная несправедливость, увеличивалась разница между богатыми и бедными, особенно раздражавшая на фоне коррупции многих властных структур. Между тем темпы экономического развития большинства из 22 стран – членов Лиги арабских государств серьезно замедлились и оказались самыми низкими на планете. К этому стоит добавить, что практически треть населения на Араб-

ском Востоке неграмотны и почти столько же живет на менее чем 2 долл. в день²⁹. И это в странах, обладающих двумя третями мировых запасов черного золота!

Если раньше такие тупиковые ситуации могли сохраняться десятилетиями, то в эпоху всеобщей доступности информации и массовой миграции народ видит, как живут люди в «нормальных» странах. Отставание арабов особенно ярко ощущалось на фоне хозяйственных успехов стран Восточной и Юго-Восточной Азии, которые, стартовав с примерно равных позиций, ныне оставили арабов далеко позади. Терпению народа приходит конец, и наступает революционный взрыв. Именно это и случилось в начале 2011 г. в Тунисе, потом в Египте, затем подобно лесному пожару огонь революций перекинулся на Бахрейн, Йемен, Иорданию и, наконец, на Ливию и Сирию. Тысячи людей, пытавшихся свергнуть власть всех этих королей и несменяемых президентов и премьеров, уже расстреляны полицией и войсками и раздавлены танками. «Нельзя исключать, что в конечном счете появится режим более современный, более цивилизованный, чем до нынешней весны, плюралистский и многопартийный, но по существу обеспечивающий сохранение позиций тех же самых социально-экономических сил, которые доминировали при Мубараке. – допускает известный российский востоковед Г.И. Мирский, – ... Но вполне можно считать то, что происходит в арабском мире в целом, революцией»³⁰. История взросления молодых государств, как мы видим, нередко пишется кровью.

Почему отживает национальное государство

Марксисты, намертво связавшие свои теоретические концепции с классовой борьбой, объясняли ею не только появление государства, но и его отмирание. Свою книгу о происхождении семьи, частной собственности и государства Ф. Энгельс заканчивает утопическим прогнозом. «Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, – утверждал он в 1884 г., – на которой существование этих (антагонистических – Ю.Ш.) классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где

²⁹ См. Попов В.В. Арабская социальная революция // Независимая газета, 28 марта 2011 г.

³⁰ Мирский Г.И. Арабский мир: надоело, не верим, не боимся // *Международные процессы*, январь-апрель 2011, <www.intertrends.ru/twenty-fifth/0012>

ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором.»³¹. Непонимание причин появления государства закономерно привело к заблуждению относительно его будущего.

Сегодня существование антагонистических классов давно уже не является необходимостью. Но это не значит, что исчезла необходимость в целенаправленном регулировании общественного производства, обмена и распределения, олицетворением которого на протяжении последних 5-7 тысяч лет было национальное государство. Современное человечество, которому приходится иметь дело с международным производством и торговлей, с всемирной финансовой системой, с экологическими и другими глобальными проблемами, более, чем когда-либо прежде, нуждается в эффективном их регулировании. Но уже не только и не столько в пределах отдельных стран, сколько в мировом масштабе.

Причины размывания регулирующих способностей государства

Что же до способности государства регулировать хозяйственные и социальные процессы в национальных границах, то она систематически размывается объективным нарастанием технико-экономического прогресса. Он обусловлен фундаментальными законами рыночной экономики: товары или услуги здесь производятся ради получения прибыли. А ее размеры определяются, прежде всего, соотношением предпринимательских затрат на оплату труда и средств производства. Как известно, затраты капитала на более производительное оборудование позволяют снизить издержки на оплату труда за счет либо сокращения общего числа занятых, либо замены с помощью конвейера сравнительно дорогих квалифицированных рабочих менее дорогими неквалифицированными. В результате себестоимость единицы продукции снижается, ее ценовая конкурентоспособность повышается, растут масштабы продаж, а значит и валовая прибыль. Это заставляет предпринимателей постоянно обновлять производственное оборудование за счет собственной прибыли, но главным образом заимствуя в банках или привлекая в свой бизнес других инвесторов, в том числе зарубежных.

Другая сторона этой бесконечной борьбы за выживание и процветание бизнеса – необходимость постоянно расширять сбыт своей продукции, нередко выходя далеко за пределы внутреннего рынка. Ведь помимо увеличения общей массы прибыли это дает еще и экономию на масштабах производства. «В одной отрасли за дру-

³¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, 2 изд., т. 21, с.173.

гой, от выплавки стали до пивоварения, производство на мировой рынок становится императивом, – писала Сьюзан Стрэндж. – Всякая технологическая инновация требовала новых инвестиций. А по мере технологического прогресса, подгоняемого давлением конкуренции между фирмами за долю на рынке, все меньше и меньше можно выживать за счет прибылей на внутреннем рынке. Словом, фирмы не выбирают, производить ли им на внешние рынки или нет, они вынуждены это делать либо идти на дно»³². Такая нескончаемая круговерть технической модернизации и борьбы за рынки сбыта, где идет «естественный отбор» жизнеспособных компаний и выбраковка остальных – имманентный мотор рыночной экономики.

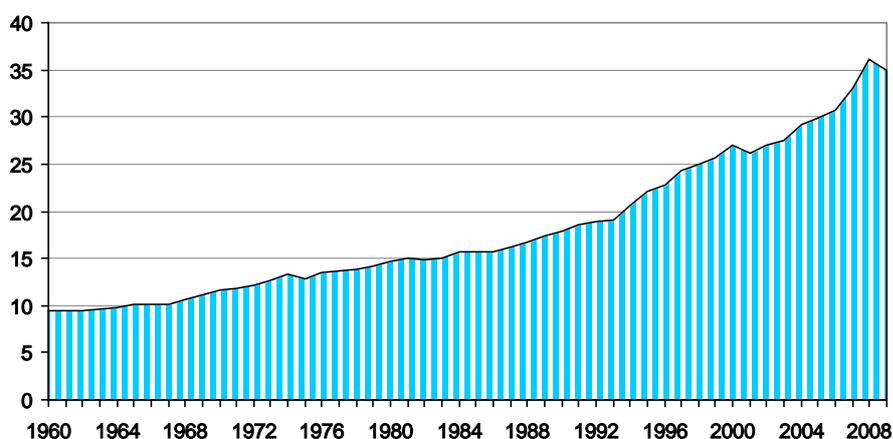
Оба эти императива действуют с самого начала функционирования такой экономики. Но с середины XX в. ускорившийся научно-технический прогресс, резкое снижение стоимости международных перевозок и бурное развитие средств телекоммуникации создали благоприятные условия для их беспрецедентно интенсивной реализации. Международная торговля товарами и услугами стала расти ускоренным темпом, вовлекая в систему мирохозяйственных связей все большую часть национальной экономики.

Экспорт и импорт – две составляющие ее воспроизводственного цикла, которые проходят через внешнеторговый оборот для того, чтобы обеспечить нормальный процесс воспроизводства – создания, распределения и реализации национального продукта. Они определяют открытость национальной экономики. Воспроизводственная ее открытость в какой-то мере корректируется торговой политикой государства, поскольку импортная ее составляющая во многом зависит от уровня протекционизма, а экспортная – от государственного стимулирования экспансии национальных компаний на внешних рынках. Но в принципе она определяется теми технико-экономическими условиями, в каких находится национальная экономика. Поэтому для оценки уровня экономической взаимозависимости стран важна не столько либерализация национальных торговых режимов, сколько воспроизводственная открытость. Как видно на рис. 2, за последние 48 лет воспроизводственная открытость мировой экономики по экспорту товаров и услуг повысилась в 3,1 раза: с 9,5 до 29,8 %. Чтобы исключить влияние колебаний в отдельные периоды мировых цен, данные, как по ВВП, так и по экспорту товаров и услуг здесь приведены в неизменных ценах 1995 г. Нетрудно заметить, что с середины 1980-х годов этот процесс явно ускорился. В 1960-1985 гг. воспроизводственная открытость повышалась в среднем на 2% в год, а в 1985-2009 гг. – на 3,4%.

³² Strendg S. The Erosion of the State // *Current History* 1997, № 98, p. 367.

Рисунок 2

**Динамика воспроизводственной открытости мировой экономики
по экспорту товаров и услуг с 1950 г. по 2009 г. (в %)**

Рассчитано по: World Development Indicators on CD-ROM; WTO.
International Trade Statistics 2010. Annex table 1;

Поскольку объем мирового импорта примерно равен объему мирового экспорта, процентное отношение всего внешнеторгового оборота к мировому валовому продукту в 2009 г. достигло 70 %. Таким образом, в наши дни 7/10 глобального производства сопряжено с международным обменом его результатами.

Еще быстрее растет международная миграция капиталов. После Второй мировой войны США и другие развитые страны ослабили валютный контроль за движением капиталов через границы. Компаниям стало гораздо проще получать кредиты в одной стране, а инвестировать их в другой. Вместе с тем сначала крупные компании, а затем средние научились в борьбе за иностранные рынки сбыта «перепрыгивать» через чужие таможенные барьеры и создавать свое производство непосредственно в пределах таможенной территории других стран. Во многих случаях такому «вторжению» рады и сами власти принимающих государств, особенно менее развитых и переходных к рыночной экономике. Поначалу настороженное, а то и враждебное отношение к таким пришельцам извне сменилось в 80-х годах осознанием выгоды их появления. Ведь вместе с филиалами ТНК приходят новые производственные технологии, открывается доступ к столь желанным ресурсам капитала, а главное – возможность использовать известные брэнды и распределительные сбытовые сети, позволяющие выходить на крупные рынки развитых стран. Довольно быстро мир покрылся десятками тысяч филиалов транснациональных компаний.

Это создает принципиально новую геополитическую ситуацию. Дело в том, что отношения внутри ТНК между родительскими компаниями и их зарубежными филиалами строятся на основе частной собственности и при высокой доле первых в акционерном капитале вторых могут быть не менее «суверенными» и властными, чем отношения между государством и национальными компаниями на подконтрольной ему территории. Если в сфере международной торговли условия доступа на национальные рынки согласовываются между суверенными государствами, пусть даже не равными по своему потенциалу, то в сфере международной миграции прямых инвестиций суверенному государству приходится договариваться с квазисувереном – ТНК.

Более того, чтобы заманить к себе желательного иностранного инвестора, да и в целом повысить международную конкурентоспособность национального бизнеса приходится конкурировать с другими государствами в области налогообложения компаний, трудового законодательства, природоохранных норм и во многих других аспектах регулирования хозяйственной жизни. То, что веками оставалось заповедной зоной внутригосударственного суверенитета, теперь добровольно-принудительно привносится извне, перенимается у более благополучных соседей. Оставаясь де-юре суверенным, национальное государство де-факто вынуждено действовать с оглядкой на соседей, украдкой или не таясь, приспособливая свою внутреннюю политику к меняющимся требованиям времени.

Но никакие приспособления не могут отменить или хотя бы замедлить ускользание из-под влияния государства ряда важных аспектов экономической и общественной жизни национального социума. Не далее как в прошлом веке государство играло первостепенную роль защитника национальных предприятий от иностранных конкурентов, ограждая отечественный рынок тарифными и нетарифными барьерами. Это создавало тепличные условия для формирования и развития важных отраслей национальной промышленности. Однако в условиях глобализации такая торговая политика становится контрпродуктивной, так как произведенные в этих условиях товары, как правило, оказываются неконкурентоспособными не только на мировом рынке, но и внутри страны. Наглядный тому пример – российская автомобильная промышленность. Как ни повышаются импортные сборы при импорте иномарок, а они все равно пользуются большим спросом, чем отечественные автомашины. Кроме того, высокие импортные барьеры стимулируют инфляцию, а субсидирование государством опекаемых отраслей и предоставление им налоговых льгот отягощает бюджет страны. Наконец упомянутая выше возможность иностранных конкурентов

«перепрыгивать» через таможенные барьеры существенно обесценивает роль государства как стража национального рыночного пространства.

Еще более беспомощным становится государство в роли гаранта валютно-финансовой стабильности. Поскольку любая национальная валюта используется как во внутриэкономической, так и во внешнеэкономической политике, каждое правительство оказывается перед непростым выбором между независимой кредитно-денежной политикой внутри страны и потребностью открывать национальную экономику для внешних связей. Однако ни одно из них не может одновременно иметь фиксированный валютный курс, сохранять открытость национальной экономики для международной мобильности капитала и в то же время проводить достаточно независимую денежно-кредитную политику для решения текущих внутриэкономических задач. Это «невозможное триединство» (impossible trinity) означает, что если в условиях открытого рынка предпочтение отдается привязанному валютному курсу, то страна в значительной мере утрачивает автономию своей денежно-кредитной политики. Если же она стремится сохранить и эту автономию и фиксированный валютный курс, то ей приходится вводить ограничения на ввоз и вывоз капиталов, в первую очередь, краткосрочных, иначе ни правительство, ни центральный банк не смогут осуществлять антиинфляционные меры путем изменения учетной ставки и других мер на денежном рынке.

В условиях свободной международной миграции капитала становится все труднее сохранять устойчивый курс национальной валюты. Импорт или экспорт капитала закономерно повышает или понижает ее рыночный курс. А это либо благоприятствует, либо тормозит экспорт национальных товаров и услуг и, в конечном счете, сказывается на торговом балансе страны. Центральные банки, естественно, стремятся амортизировать эти колебания путем интервенций на валютном рынке. Но их возможности ограничены объемом валютных резервов. Как только они приближаются к исчерпанию, государство оказывается неспособным влиять на курс собственной валюты. Наглядным примером этого стала ситуация в Белоруссии, валюта которой в мае 2011 г. девальвировалась на 36%, породив стремительную инфляцию, перечеркнувшую все те повышения зарплат и другие социальные льготы, которые были подброшены народу накануне четвертых выборов президента А.Лукашенко.

Все менее свободно государство и в регулировании национального кредитного рынка. Как известно, манипулируя ставкой рефинансирования, центральные банки регулируют стоимость банковских кредитов в стране и тем самым либо стимулируют экономическую активность, либо охлаждают ее перегрев. Но пределы такого рода

вмешательства на кредитном рынке невелики. С одной стороны, слишком низкая процентная ставка может спровоцировать всплеск инфляции со всеми вытекающими последствиями, как для объема внутреннего рынка, так и для обменного курса национальной валюты. Его неизбежное снижение будет удорожать импорт, в том числе ввоз необходимого оборудования и комплектующих для национальных предприятий. В конечном счете, это может привести не к стимулированию, а к подавлению экономического роста. С другой стороны, завышенная ставка процента чревата повышением обменного курса национальной валюты, а, следовательно, торможением экспорта отечественных товаров и услуг, разорением множества малых и средних предприятий, обычно функционирующих на кредитах, увеличением безработицы и снижением жизненного уровня населения.

Глобализация стала подтачивать самую финансовую базу государственного регулирования экономики и социальной сферы – бюджет, формируемый за счет налогов на бизнес и население. В последние десятилетия, однако, практически всюду в бюджетах образовалась прореха, через которую уплывает ощутимая часть налоговых поступлений. Крупные компании наловчились перенести свои штаб-квартиры в так называемые налоговые гавани и оффшорные центры. В налоговых гаванях всем иностранным компаниям предоставляются широкие налоговые и другие льготы, в оффшорных центрах – такие льготы получают лишь те из них, которые осуществляют операции с нерезидентами. На Нормандских островах, например, подоходный налог на компании не превышает 20%, а другие налоги вообще не взимаются. Более того, зарегистрированные там, но не занимающиеся хозяйственной деятельностью иностранные компании вообще налогов не платят, вносят лишь ежегодный сбор в размере 600 фунтов стерлингов.

Используя свободу вывоза активов, в такие гавани и оффшоры перемещаются (как правило, в форме холдингов) сотни тысяч иностранных компаний. В Лихтенштейне их около 20 тыс., в Швейцарии примерно 10 тыс., в Люксембурге – до 2 тыс. Всего же сегодня существует около полусотни таких налоговых убежищ, включая Кипр, Мальту, остров Мэн, Бермуды, Коста-Рику, Макао, Уругвай, Малайзию, Филиппины и др. Для некоторых видов финансовых операций такие укромные местечки есть даже в Австралии, Австрии, Бельгии, Ирландии, Нидерландах. В результате все государства ежегодно теряют не менее 100 млрд. долл. налоговых поступлений, что, естественно, сужает их регулирующие возможности. Заткнуть эту прореху очень трудно. Такая попытка была предпринята в апреле 2009 г. на Лондонском форуме

G-20. Но позитивные результаты маловероятны: занесение в «черный список» одних налоговых гаваней вряд ли помешает появлению завтра десятка новых.

Кроме того, в последние десятилетия появился ряд опасных явлений глобального масштаба, вообще не подвластных регулированию национальными государствами. Речь идет о быстром потеплении климата Земли из-за чрезмерных выбросов в атмосферу двуокиси водорода и других парниковых газов; о необратимом сокращении разнообразия животного и растительного мира планеты; о развитии международного терроризма и наркоторговли; о появлении и распространении по планете новых инфекционных болезней и т.п. В прошлом этих проблем или не было, или они проявлялись не столь масштабно и разрушительно. Характерная их особенность состоит в том, что ни одно государство не может решить их самостоятельно, без взаимодействия с другими государствами региона или даже мира в целом. Эти проблемы транснациональны, а то и глобальны по самой своей природе. И справиться с ними приходится только коллективно, вынося регулирующие механизмы за пределы национальных границ. Государство вместе со своей суверенной территорией отодвигается на задний план.

Более того, в условиях глобализации наряду с увеличением расхождения между **суверенной территорией** государства и экономическим пространством, на котором действуют его жители, нарастает расхождение между этой территорией и **пространством расселения** этих жителей. Все большая их часть в поисках лучших условий работы, образования, карьерного роста надолго или навсегда покидают свою родину и становятся жителями другой страны. Международные потоки переселенцев неуклонно растут. В 1960 г. в мире насчитывалось 3,2 млн. трудовых мигрантов, на начало 1995 г. – более 35 млн., а в 2008 г. – уже 93 млн.³³ Но поскольку мигранты переезжают в другие страны преимущественно с семьями, общая масса переселенцев, оказывается вдвое-втрое больше. К 2010 г. общее число зарегистрированных мигрантов во всем мире составило 215,8 млн. человек, включая 16,3 млн. беженцев³⁴. Кроме того, приблизительно 100 млн. находились в станах иммиграции нелегально.

В результате некоторые небольшие государства практически лишаются значительной части своего населения, тогда как другие, напротив, переполнены чужестранцами (см. табл.3). Таким образом, суверенное государство сохраняет только территорию, но утрачивает свой исходный социум, перетекающий через государст-

³³ ИОМ. Labor Migration and Demographics 2009, Geneva, p. 1

³⁴ The World Bank. Migration and Remittances Factbook 2011, p. 18.

венные границы. По сути, от своего государства бегут его собственные граждане или, наоборот, его заселяют уроженцы других стран.

Таблица 3

Доля эмигрантов и иммигрантов в населении 28 стран в 2010 г.

Эмигранты (в % к населению)		Иммигранты (в % к населению)	
Западный берег и сектор Газа	68,3	Катар	86,5
Гренада	65,5	Монако	71,6
Монако	56,4	ОАЭ	70,0
Антигуа и Барбуда	48,3	Кувейт	68,8
Албания	45,4	Андорра	64,4
Барбадос	41,0	Каймановы острова	63,0
Суринам	39,0	Виргинские острова	56,5
Кабе Верде	37,5	Макао	54,7
Ямайка	36,1	Иордания	45,9
Армения	28,2	Западный берег и сектор Газа	43,6
Мальта	26,2	Сингапур	40,7
Грузия	25,1	Израиль	40,4
Казахстан	23,6	Бахрейн	39,1
Македония	21,9	Бруней	36,4
Молдова	21,5	Люксембург	35,2

Источник: The World Bank. Migration and Remittances Factbook 2011, p. 2, 4.

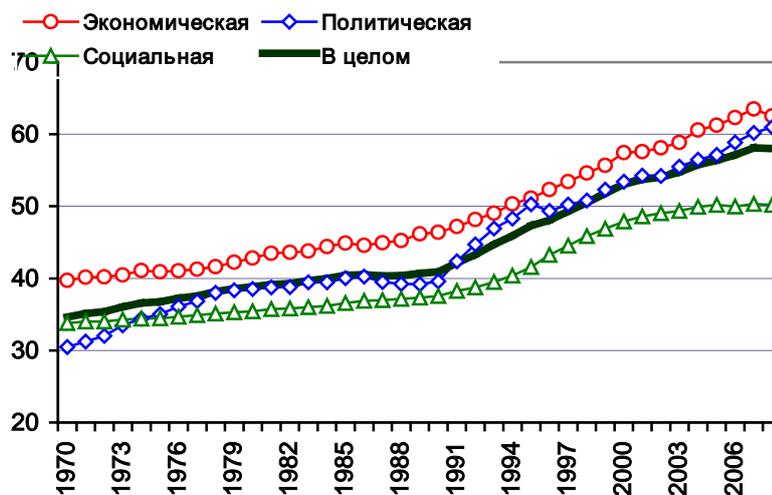
Все названные выше процессы приводят к росту экономической, политической, культурной, информационной взаимозависимости стран, к установлению все более тесных международных связей, опосредуемых потоками товаров, услуг, финансовых ресурсов, людей и самой разнообразной информации. До недавнего времени динамика этих процессов, их темпы оставались в значительной мере предметом предположений. Но в 2002 году сотрудники Швейцарского института экономики (Цюрих), разработали методику составления так называемого KOF index of Globalization – комплексного показателя, включающего 9 экономических, 11 социальных и 4 политических критерия. Можно предъявлять авторам претензии относительно количества и адекватности выбранных ими критериев, как и определения их доли в агрегированном показателе, но пока это наиболее востребованный показатель многогранного процесса глобализации.

На рис. 3 приведены агрегированные на базе 208 стран мировые данные о динамике этого индекса в целом и отдельно о глобализации их экономики, политики и социальной сферы. Уровень экономической глобализации, как и следовало ожидать,

заметно превышает уровни политической и особенно социальной глобализации. Характерно, что экономическая глобализация нарастает достаточно стабильно, лишь слегка ускорившись с начала 1990-х годов, тогда как в динамике социальной и особенно политической глобализации данный рубеж стал переломным. И это естественно: именно тогда рухнул «железный занавес» и закончилась многолетняя «холодная война».

Рисунок 3

Динамика индекса глобализации 208 стран с 1970 г. по 2008 г.

Источник: KOF Index of Globalisation 2009. KOF Swiss Economic Institute Zürich, Press-Relies 18 March, 2011, p. 2.

Все эти процессы, сопряженные с глобализацией, свидетельствуют о том, что национальное государство как часть сложившегося в XVIII-XIX веках тандема, регулирующего экономические и социальные отношения внутри стран, явно не справляется со своей ролью. Всевластие государства на своей собственной территории все больше подтаивает, размывается и сокращается в размерах, как льдина под лучами весеннего солнца. И уж тем более не пригодно оно для регулирования глобальных процессов, выходящих за пределы отдельных, даже самых крупных стран.

Какова же его дальнейшая судьба?

Разные оценки будущего

Некоторые радикально мыслящие исследователи полагают, что глобализация означает конец национального государства как суверенного игрока на международном поле и как института монопольной власти в пределах собственной

ны³⁵. Другие, напротив, считают, что экономическая глобализация не умаляет роли национального государства ни внутри стран, ни на международной арене³⁶. Третьи полагают даже, что в условиях глобализации государства должны окрепнуть. «Вряд ли национальным государствам грозит полная утрата суверенитета в отношении своей экономики в пользу наднациональных или международных организаций, – считает, например, О.Т. Богомолов. – Национальные государства не отомрут, а, наоборот, будут укреплять себя и добиваться демократизации глобальной экономической среды»³⁷. Есть и такие, кто, по словам Сьюзан Стрэндж, отстаивая миф о незыблемости государства, считают мифом саму глобализацию, «поскольку государство пока что существует, потому что предприятия все еще “принадлежат” определенному государству в том смысле, что их штаб-квартиры находятся на территории государства; которое они переросли; потому что их директора почти исключительно происходят из одной и той же страны, и потому что их корпоративная культура заметно отличается от других “национальных” фирм»³⁸.

Более осторожные эксперты, полагают, что государство, конечно, утрачивает свою прежнюю роль, но хоронить его не стоит. Так, американский политолог Стивен Краснер пишет: «Те, кто провозглашает смерть суверенитета, плохо читали историю. Национальное государство имеет сильный инстинкт выживания и пока адаптируется к новым вызовам, даже к вызовам глобализации»³⁹. Оглядываться на историю, конечно, полезно. Но нельзя забывать, что по уровню технико-экономического развития до последних десятилетий у человечества была совсем другая история. Государство, действительно пока адаптируется к качественно новой материальной базе и качественно новой взаимозависимости стран. Но никто не знает, когда истечет время этого «пока».

Весьма оригинально подошел к этой проблеме немецкий политолог Ульрих Бек. Он признает, что в эпоху глобализации государственные границы «уже не выполняют тех задач, какие выполняли прежде. «Сегодняшние границы все больше напоминают швейцарский сыр: в них системным образом встроены «дырки» в виде

³⁵ См. например, Ohmae K. *The End of the National State*. N.Y., 1095; Rosenau J. N. *Along the Domestic-Foreign Frontier*. Cambridge, 1997; Strange S. *The Retreat of the State: Diffusion of Power in the World Economy*. Cambridge, 1996; Thurou L. *Balding Wealth: New Rules for Individuals, Companies and Nations in Knowledge-Based Economy*. N.Y., 1999.

³⁶ См. например, Загашвили В.С. Государство на новом этапе экономической глобализации // *МЭиМО*, 2009, № 5, с. 47-78.

³⁷ Богомолов О.Т. *Моя летопись переходного периода*. М., 2000, с. 346.

³⁸ Strange S. *Op. cit.*, p.365. (Как пример таких представлений она привела книгу: P.Hirst and G.Thompson. *Globalization in Question: The International Economy and Possibilities of Governance*. Cambridge, 1996.)

³⁹ Krasner S. *Sovereignty* // *Foreign Policy*. 2001. № 122, p. 20

всякого рода исключений из правил, призванные гарантировать перемещение информации, капитала, людей и услуг из одного места в другое по первому же щелчку компьютерной мыши»⁴⁰. Поэтому национальное государство не может, как в прошлом, решать экономические и другие проблемы в пределах своей территории только собственными силами. Что же делать? «Государствам, – советует он, – нужно преодолеть связь с определенной территорией» и «смириться с условностью их национальной независимости». И вообще следует «ввести принципиальное различие между суверенитетом и независимостью»⁴¹.

Если независимость уже невозможна, то что же остается от суверенитета? Оказывается он не только не убывает, а даже укрепляется. «Если определять суверенитет как возможность влиять на происходящие события политическими методами, то есть как ту степень, в которой государству удастся обеспечить благосостояние граждан и преуспеть в снижении безработицы, борьбе с преступностью, защите окружающей среды, поддержании общественной и военной безопасности, то расширение (международного – Ю.Ш.) сотрудничества и интеграции, предполагающее утрату независимости, воспринимается как укрепление реального суверенитета». Такой вот цирковой фокус: опускаем в пустую шляпу платок, а вынимаем оттуда... кролика. Если общепринятое понятие суверенитета несовместимо с утратой государством независимости, то придумаем собственное понятие под именем «суверенитет».

Так же поступает У.Бек и с государством. Он предлагает «отделить его от нации» и превратить в «космополитическое государство». «Чтобы оно возникло, – считает он, – необходимо преодолеть понимание уникальной, единообразной, территориально определенной национальной родины, отделенной и противостоящей культурно «другим» народам, и заменить его ощущением двуединого отечества, оба элемента которого возможны и необходимы». Причем речь идет не о межгосударственных организациях типа Евросоюза, а именно об отдельных «космополитических» государствах, «имеющих национальные корни»⁴². Иначе говоря, раз национальное государство стало недееспособным, давайте вообразим некое космополитическое государство. Интересно, верит ли сам автор в возможность появления в XXI веке таких квазигосударственных мутантов, напоминающих ост-индские торговые компании XVII столетия?

⁴⁰ Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль XXI. № 7, 2004, с. 4.

⁴¹ Там же, с. 7.

⁴² Там же, с. 9.

Поиски механизмов регулирования глобального социума

Как ни привычно считать, что государство было, есть и всегда останется защитником национальных интересов, с такими представлениями приходится расставаться. Человечество подошло к тому рубежу, когда ему предстоит решать беспрецедентную задачу – сформировать принципиально новый механизм рационального регулирования экономических, социальных, природоохранных и культурно-конфессиональных процессов в масштабах планеты. Каким видится сегодня такой механизм?

Если иметь в виду только экономическую сторону дела, то, упрощенно говоря, национальные тандемы «рынок-государство» предстоит трансформировать в глобальный тандем «мировой рынок - ?». Ведь после выхода экономических связей за пределы отдельных стран в этом тандеме в мировом масштабе произошел неизбежный перекося в сторону рыночной составляющей. Смягчение его, а еще лучше восстановление равновесия этих двух начал в межгосударственном пространстве стало насущной проблемой, с которой человечество столкнулось впервые в истории. Это признают многие специалисты в области глобального регулирования. Как писала Сьюзан Стрэндж, «рыночная экономика, как национальная, так и глобальная, нуждается в кредиторе последней инстанции – во власти..., способной дисциплинировать, но в то же время придавать уверенность банкам и финансовым рынкам и могущей задействовать кейнсианскую логику в периоды замедленного роста и депрессии»⁴³.

Поиск на государственном и межгосударственном поле

Первые признаки недостаточности государственного регулирования за пределами национальной территории появились уже тогда, когда международная торговля стала играть существенную роль в экономике ведущих стран мира. В XVII в. такими странами были Англия и Нидерланды. К тому времени торговля между Англией и Индией достигла внушительных масштабов и стала играть жизненно важную роль в нормальном функционировании британской экономики. На ее долю приходилось около 15% всего британского импорта. Этот поток индийских красителей для британской текстильной промышленности, другого сырья и разного рода специй нельзя было отдавать на произвол рыночной стихии и оставлять без защиты от внешних конку-

⁴³ Strange S. Op. cit., p. 366.

рентов. Но такие задачи выходили за пределы властных полномочий британского государства. Этот дефицит государственного регулирования в какой-то мере компенсировала созданная в 1600 г. Британская Ост-Индская компания, наделенная вскоре широкими правами не только коммерческого, но и политического и военного характера. Она имела собственную армию, которая в лучшие времена достигала 158,5 тысяч человек (из них 143 тыс. – индусов) и военный флот. Вела многочисленные военные действия и заключала соглашения с местными властями, шаг за шагом расширяя подконтрольную Англии колониальную территорию. Это вынесенное за пределы метрополии квазигосударственное образование утратило свои чрезвычайные полномочия только в 1858 г., то есть через два с половиной столетия.

Примеру Англии последовали другие страны. В 1602 г. для торговых операций в Южной и Юго-Восточной Азии была учреждена Голландская Ост-Индская компания, которая быстро монополизировала торговлю чаем, медью, серебром, текстилем, хлопком, пряностями и опиумом с Японией, Китаем, Цейлоном, Индонезией. Ее зарубежные фактории действовали в Персии, Малакке, Китае, Сиаме, на Формозе, Яве, на мысе Доброй Надежды. К концу 1660 гг. эта компания имела более 150 торговых судов, 40 военных кораблей, 10-тысячную армию и 50 тысяч служащих. Посредством такой экстерриториальной структуры Голландия решала управленческие задачи в интересующем ее международном экономическом пространстве.

За двумя великими торговыми державами того времени последовали другие европейские страны. В 1628 г. Франция учредила Канадскую компанию, а в 1664 г. Французскую Ост-Индскую компанию. Позднее были созданы французская Вест-Индская и Северная (для торговли с Нидерландами, Швецией и Россией), а также Левантийская компании. Подобные экстерриториальные квазигосударственные структуры создавали и Дания, Швеция, Австрия, Пруссия.

Другой способ дополнить стихийные международные экономические процессы государственным регулированием – это формирование **колониальных империй**. Непосредственным стимулом колонизации периферийных стран было, конечно, стремление ведущих держав захватить как можно больше источников сырья, трудовых ресурсов, рынков сбыта собственной продукции и просто чужой территории. Колонизация в XVII-XIX веках происходила в обстановке острой конкуренции между основными державами. Они старались опередить друг друга в аннексировании «ничейных» территорий, а иногда и дрались за одни и те же захваченные куски мирового «пирога».

Колониальные империи плодились, как грибы после дождя. Вслед за испанской империей возникли португальская, нидерландская, британская, французская, бельгийская, османская, австро-венгерская, российская, империя США, итальянская, германская, японская и некоторые другие. К началу XX в. между ними был поделен почти весь мир, за исключением Южной Америки. Побочным продуктом этого процесса стало то, что мировое экономическое пространство оказалось расчлененным на сферы юрисдикции различных метрополий, устанавливавших там свои порядки. В том числе в области предпринимательства, торговли, взимания налогов и т.п. При этом метрополии нередко отгораживали свои владения от остального мира посредством имперских преференций (минимальное обложение таможенными пошлинами или полное освобождение от них импорта из метрополии, завышенные цены на ее товары, нередко превышавшие среднемировые и т.п.) Для изоляции колоний от мировой торговли использовались как количественные ограничения (квоты) на импорт из третьих стран, так и валютные ограничения.

В пределах таких автономных колониальных хозяйственных пространств противоречие между рыночным и государственным регулированием находило свое частичное разрешение, поскольку там складывались свои модели тандема «государство-рынок». Такие геополитические структуры обеспечивали надлежащее дополнение рыночных связей между колониями и метрополиями целенаправленным их регулированием. Однако быстрое развитие в XX веке международных хозяйственных связей все более выходило за пределы имперских «мир-экономик», неуклонно превращая глобальную экономику в целостный организм. Поэтому настоятельно назрела необходимость замены таких внутриимперских тандемов какими-то общемировыми регуляторами. Переломным здесь стал первый период после Второй мировой войны, когда начали распадаться колониальные империи.

Им на смену в качестве регуляторов международных экономических и других общественных отношений пришли **межправительственные организации** глобального масштаба.

Правда, попытки коллективно регулировать отдельные проблемы жизни мирового сообщества предпринимались уже давно. Нынешний Международный союз электросвязи был создан еще в 1865 г. как Международный телеграфный союз. Всемирный почтовый союз был учрежден в 1874 г., Международная авиационная федерация (ФАИ) – в 1905 г., Международная организация уголовной полиции (Интерпол) – в 1923 г. Но такое выборочное регулирование второстепенных проблем не решало сложных задач надвигающейся глобализации. Первым институтом глобаль-

ного управления стала созданная в 1919 г. Лига наций. Но основной ее задачей, было «развитие сотрудничества между народами и гарантии их мира». Международные экономические проблемы оставались вне ее поля зрения. Об этом вскоре грубо напомнила «великая депрессия» 1929-1932 годов, потрясая весь капиталистический мир.

Это упущение попытались исправить после Второй мировой войны. В середине 1940-х годов были созданы Бреттон-Вудские институты – Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ), а также Генеральное соглашение по тарифам и торговле, преобразованное в 1995 г. во Всемирную торговую организацию. При разработке полномочий этих организаций учитывались новые условия функционирования мировой экономики. В этом принимал участие и Д. М. Кейнс. Его предложения выходили далеко за пределы того, что готовы были принять правительства стран-участниц. Он, например, предлагал создать фонд, равный половине объема мирового импорта. (МВФ сегодня контролирует ликвидность, не превышающую 3% мирового импорта). Он рассматривал возможность функционирования МВФ в качестве мирового центрального банка со своей собственной резервной валютой. Через четверть века, в 1970 г., МВФ был вынужден ввести свою квазивалюту – «специальные права заимствования» (СДР), но опять же в объеме не более 3% мировой ликвидности. По его мнению, мировая торговая организация должна не только поддерживать свободную торговлю, но и стабилизировать цены на сырьевые товары путем специальных соглашений о буферных запасах. Более того, он полагал, что цены на такие товары должны фиксироваться с учетом интересов как производителей, так и потребителей в бедных странах⁴⁴. В вопросах глобального регулирования Кейнс смотрел вперед гораздо дальше своих современников.

В 1945 г. 51 государство подписало Устав Организации Объединенных Наций, которая через свои многочисленные специализированные учреждения (ЮНКТАД, ЮНИДО, ЮНЕСКО и др.) содействует международному сотрудничеству в самых разных областях от промышленности и торговли до культуры, образования и науки. Институты и учреждения ООН сделали немало полезного. Но, как показала практика, все эти межгосударственные институты не могут эффективно контролировать международную экономику и предотвращать мировые кризисы. Если до XX столетия экономические кризисы поражали одну-две, от силы три страны, то позднее они стали приобретать все более широкий размах. Вот краткий их перечень:

⁴⁴ См. UNDP. Human Development Report, 1999, p. 98.

- начало Первой мировой войны в 1914 г. спровоцировало крах товарных и денежных рынков США, Англии, Франции, Германии и некоторых других стран;
- в 1920-1922 гг. послевоенная дефляция привела к кризису денежной и валютной сферы Дании, Италии, Финляндии, Нидерландов, Норвегии, США и Англии;
- Великая депрессия 1930- 1933 гг. потрясла весь капиталистический мир (32 страны);
- первый послевоенный кризис 1957-1956 годов охватил США, Англию, Канаду, Бельгию, Нидерланды и ряд других стран;
- в 1973-1974 гг. разразился очередной кризис, который по глубине разрушительной силе приблизился к Великой депрессии;
- в конце 1987 г. рухнул фондовый рынок США, потянувший за собой фондовые рынки Австралии, Канады и Гонконга;

Поворот ведущих стран в сторону политики монетаризма привел к гипертрофированному развитию финансовой сферы и кризисам нового типа. С приходом в Белый дом в 2000 г. Джорджа Буша рынок стал переполняться дешевыми деньгами. Уже к июню 2003 г. ключевая процентная ставка по кредитам упала в США с 6,5% до 1%. Стремительно росли ипотечные кредиты, создавались разного рода инвестиционные фонды, появлялись все более сложные схемы деривативов, финансовые операции становились все менее прозрачными и все более благоприятными для валютных спекуляций. Этим воспользовались Джордж Сорос и другие мастера по обвалу неустойчивых валют. После очередной атаки на валюты Таиланда, Малайзии, Индонезии, Филиппин в 1997 г. их курсы упали на 30-40%, что потрясло не только экономику этих стран, но и перекинулось на финансовую сферу Бразилии и России.

Гипертрофированное развитие непрозрачной финансовой сферы и ее глобализация привели к тому, что вся мировая экономика стала крайне уязвимой. Когда в 2008 г. под тяжестью долгов рухнул крупнейший американский банк *Lehman Brothers*, за ним по принципу домино «посыпались» банки и другие финансовые учреждения многих стран. Оттуда пожар перекинулся на потребительские рынки, а потом и на сферу производства. Мир погрузился в очередной тяжелый кризис, сохраняющийся в тлеющем состоянии до сих пор.

Все это свидетельствует, что множество межправительственных организаций семейства ООН и Бреттон-Вудские институты не способны справиться с современной экономикой, не признающей государственных границ, исправить перекос в упомянутом тандеме в сторону рынка и усилить в мировом масштабе государственное регулирование.

Не удастся им отрегулировать и многие другие неотложные глобальные проблемы: загрязнение атмосферы парниковыми газами, рост численности голодающих, распространение наркоторговли, инфекционных болезней, разнузданное шествие по планете терроризма. Нынешние механизмы управления экономической, политической и культурной жизнью мирового сообщества не могут эффективно ответить на вызовы глобализации. Нужны новые всемирные механизмы.

Но какие? На эту тему высказывается немало различных предположений.

Самая незамысловатая и вместе с тем самая утопическая модель глобального управления – создание мирового правительства. По сути это – проекция государственной модели централизованной власти на всю планету. Простенько, а главное привычно. В разное время ее выдвигали люди, несомненно, талантливые в своих областях науки, но далекие от государственного управления и международного права – Фердинанд Теннис, Торнстейн Веблен, Бертран Рассел, Альберт Эйнштейн, Андрей Сахаров. Они плохо представляли себе процесс трансформации множества государств в единую мировую державу и обретения ею всемирной легитимности. Любое государство обладает не только возможностью устанавливать обязательные для всех своих граждан нормы гражданского, уголовного и административного права, но и принуждать к их соблюдению. Попробуйте представить себе единую глобальную власть, которая централизованно сочиняет для шести-семи миллиардов жителей Земли, различающихся множеством национальных традиций и правовых культур, обязательные для всех нормы права. Для многих народов они в той или иной их части окажутся изначально неприемлемы. А теперь подумайте над попыткой глобального государства заставить, в том числе с помощью силы, миллионы непокорных земель соблюдать такие нормы. Ясно, что уже по этой причине глобальное государство взорвется, едва родившись.

Весьма оригинальный вариант по сути такой же модели предложил в 2002 г. британский дипломат Роберт Купер. Он напомнил, что в прошлом международный порядок держался либо на балансе сил, либо на гегемонии, которая еще в древности называлась империей. В пределах империй обеспечивался порядок и процветание, а за их границами царили варварство и хаос. Сегодня те государства, которые не способны навести порядок на своей территории (Афганистан, некоторые государства Южной Америки, где хозяйничают наркобароны, а также многие молодые африканские государства) представляют опасность для стабильных стран. «В современном мире слова «империя», «империализм» стали оскорбительными, – пишет он, – и нет держав, которые хотели бы взять на себя работу по наведению порядка в других

странах, хотя потребность в колонизации сегодня даже большая, чем была в XIX веке... Мир, в котором эффективная, хорошо регулируемая стабильность и свобода экспорта, открытость для инвестиций и роста, представляется в высшей степени желательным. Чего не хватает, так это нового типа империализма, приемлемого в мире, где существуют права человека и космополитические ценности... Империализма, который, как и всякий империализм, имеет целью внести порядок и организованность, но зиждется сегодня на принципе добровольности»⁴⁵.

Известный американский политолог Эмитай Этциони обнаружил даже доказательства формирования такой империи как нарождающегося глобального правительства. По его мнению, в ответ на разгул международного терроризма «явочным порядком стал складываться режим мирового правительства... Новое мировое государство стало обретать характер империи – формы управления, в котором ограниченная группа наиболее могущественных государств навязывает (разными способами) выгодную им политику большинству государств мира. Во главе новой мировой империи встали США и их союзники. Проекция их мощи стала распространяться практически на все континенты. Их военное присутствие находится в 170 из 200 государств, большинство из которых сотрудничают с ними по той или иной причине в рамках антитеррористических коалиций. Это и есть разновидность мирового правительства, возникшая к началу 2000-х годов»⁴⁶.

Такие попытки искать решение нынешних проблем в имперском прошлом явно непродуктивны. Модель империализма, пусть даже «нового» или «добровольного», уже опробована историей и отбракована. В современных условиях она заведомо обречена на провал.

Менее утопическая гипотеза будущего глобального управления основывается на идеях федерализма. Первая заявка такого рода – проект всемирной конституции – была опубликована в 1948 году. Двадцать лет спустя, в 1968 году, появился новый проект конституции Федерации Земли. За ним последовали десятки подобных проектов. Все они предполагают разделение властных полномочий между субнациональными (областными, районными, муниципальными), государственными и надгосударственными структурами⁴⁷. Одно из последних предложений такого рода прозвучало в докладе Римского клуба «Первая глобальная революция». «Чтобы добиться-

⁴⁵ Cooper R. The Post-modern State// Reordering the World: the long term implications of September 11. The Foreign Policy Center. 2003, p. 4.

⁴⁶ Этциони Э. Новый режим глобального управления выковывался на крови... // Международные процессы, № 1, 2009 с 127 .

⁴⁷ См. подробнее: Вебер А.Б. Современный мир и проблема глобального управления // *Мир глобализации*. 2009. № 1. С. 10-13.

ся управления, основанного на балансе интересов, – пишут его авторы А. Кинг и Б. Шнайдер, – представляется важным сформировать многоступенчатую систему принятия решений, важнейшим принципом которой было бы обсуждение вопроса и разработка решения на уровне, ближайшем к тому слою общества, который в наибольшей степени испытывает на себе благоприятные или неблагоприятные последствия этого решения»⁴⁸.

К такому варианту подталкивает опыт Европейского Союза, где внедрен принцип субсидиарности – передачи управления на те административные уровни, где экономические и социальные проблемы могут быть решены наиболее эффективно. Правда, Евросоюз объединяет почти одинаково развитые и тесно интегрированные страны. Ни в одном другом региональном интеграционном объединении (даже в НАФТА) повторить этот эксперимент не пытались. Впрочем, события 2011 г. показали, что и Евросоюз – конструкция весьма уязвимая, балансирующая сегодня на грани раскола. В условиях мирового кризиса менее прочные национальные экономики оказались на грани суверенного дефолта, угрожавшего самому существованию ЕС. Спасать их от катастрофы приходится за счет более сильных стран-членов. В глобальном масштабе, где большинство государств – слаборазвитые или среднеразвитые страны, повторить западноевропейскую модель надгосударственного регулирования вообще невозможно.

Наряду с теоретиками и футурологами свой вклад в совершенствование глобального регулирования пытаются внести и действующие политики. В 1994 г. Программа развития ООН (ПРООН) поставила вопрос о создании «новой глобальной архитектуры», предполагающей появление или развитие наднациональных институтов для регулирования глобальных проблем, с которыми невозможно справиться на государственном уровне. Предлагалось учредить Совет *экономической* безопасности для решения проблем, угрожающих безопасности каждого человека; учредить Всемирный центральный банк для контроля за мировой банковской системой; создать Международный инвестиционный фонд, чтобы перераспределять избыточные финансовые ресурсы в пользу развивающихся стран; образовать Всемирный анти-монопольный орган для наблюдения за ТНК и обеспечения честной международной конкуренции.⁴⁹

Обеспокоенный недемократичностью существующих институтов ООН Генеральный секретарь этой организации Кофи Аннан предложил в 1998 г. перераспре-

⁴⁸ Кинг А., Шнейдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М. 1991. С. 247.

⁴⁹ UNDP. Human Development Report 1994, p. 85-87.

делить некоторые функции между органами ООН, в том числе передать ряд вопросов из ведения Совета безопасности на рассмотрение Генеральной ассамблеи.

В очередном докладе о развитии человека за 1999 г. ПРООН дополнила список рекомендаций. На этот раз предлагалось наделить Всемирный центральный банк функцией кредитора последней инстанции; создать Всемирное экологическое агентство; расширить компетенцию Всемирной торговой организации; предоставить Международному уголовному суду более широкие полномочия в области защиты прав человека; создать двухпалатную Генеральную ассамблею, где были бы представлены не только государства, но и делегаты от гражданского общества⁵⁰.

Предложения такого рода множатся. В 2004 г. лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц предложил, например, демократизировать управление Мировым банком и МВФ; – трансформировать «группу восьми» в «группу двадцати четырех»; усилить роль Экономического и социального совета ООН; создать международный фонд финансирования глобальных общественных благ; наладить управление глобальными природными ресурсами, в том числе мировым океаном и атмосферой; обеспечить реальную защиту глобальных знаний; создать глобальную «правовую инфраструктуру» для защиты деловых контрактов, единых правил конкуренции и банкротства⁵¹.

Многие из этих предложений представляются разумными и полезными. Беда в том, что все или большинство из них отталкиваются от нынешней системы государственных и межгосударственных институтов. Их предлагают достроить, наделить более широкими полномочиями, в лучшем случае перестроить, но на основе, сформированной ещё в 40–60-х годах прошлого столетия. А основа эта – все те же эгоцентрические национальные государства и сконструированные из них межгосударственные структуры. Это значит, что строить наднациональные управленческие институты предлагается из стройматериала, который по природе своей интравертен, весьма дорожит своей самостоятельностью и всячески сопротивляется «раскулачиванию» и вступлению в институциональные «колхозы». Не удивительно, что все предложения в области «новой глобальной архитектуры» на протяжении десятилетий остаются лишь благими пожеланиями, а мир регулярно погружается в финансовые и экономические кризисы, окружающая среда продолжает деградировать, глобальный криминал и терроризм все более нагледют, миллионы людей в бедных странах, как и сто лет назад, умирают от голода и инфекционных болезней. Все более

⁵⁰ Ibid., 1999, p.111.

⁵¹ Stiglitz J. The Future of Global Governance // *Institute for Policy Dialog/ Working Papers*. 2004. P. 12-13.

очевидно, что со старым институциональным багажом далеко не уедешь. О подобных ситуациях много лет назад И.А. Крылов заметил: «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь».

Варианты регулирования на неправительственном уровне

Между тем в течение нескольких последних десятилетий параллельно государственным и надгосударственным управленческим структурам сложились другие международные институты, оказывающие все большее влияние на различные аспекты глобализации. Речь идет о **транснациональных корпорациях** (ТНК), реальная власть которых нередко превосходит власть национальных государств, и о **гражданском обществе**, реагирующем на новые глобальные процессы оперативнее и дальновиднее, чем межгосударственная или надгосударственная бюрократия.

Сегодня функционируют более 82 тыс. ТНК, раскинувших по всему миру свыше 800 тыс. зарубежных филиалов, которые дают почти 10% мирового производства товаров и услуг и треть мирового экспорта. А в целом, дома и за рубежом ТНК создают около 16 трлн. долл. добавленной стоимости, то есть примерно четверть мирового валового продукта.⁵² Они во многом определяют глобальную структуру прямых инвестиций, направления и темпы научно-технических инноваций, спрос на трудовые ресурсы. Их инвестиционная стратегия ощутимо влияет на политику принимающих государств в сфере образования, охраны окружающей среды, энергосбережения, прав трудящихся.

Казалось бы, транснациональный бизнес – это та же рыночная стихия, которую внутри стран корректирует национальное государство. Её следует обуздать и держать под контролем. «Рынок – это некая торговая среда, но мы должны ограничить его положение, условия его легитимности и силу его влияния по тем же причинам, по каким это необходимо в отношении других форм управления, – считают французские эксперты Пьер Кальме и Густаво Марин. – Мы должны сделать все необходимое, чтобы поставить рынок на свое место, не позволяя, чтобы труд и люди были не более чем товаром. Сегодня стало приоритетом ввести пространство, где используется рынок, в законные рамки»⁵³. Как же можно относить ТНК к факторам упорядочения мирохозяйственных и прочих глобальных процессов?

⁵² World Investment Report 2009. UNCTAD. Geneva, 2009. P. 18; Ibid. 2011, p. 24.

⁵³ Calame P., Marin, G. Main Points for the Discussion with the United Nations Secretariat", . in "Reforming the U.N. and Redefining Global Governance. 2 March 2005 // <www. Forum for a new World Governance>

Да, как и всякий бизнес, транснациональный бизнес основан на конкуренции и главной его целью является умножение прибыли. Но именно ради этой цели ТНК стремятся заглянуть дальше вперед, чем это делают государства, и с учетом таких прогнозов разрабатывают свою стратегию размещения зарубежных прямых инвестиций, целевую подготовку кадров для зарубежных филиалов и т. п. А главное, в отличие от государства, ТНК глобальны по своей сути, их руководство при выработке своей долгосрочной стратегии мыслит глобально и стремится смягчить некоторые неблагоприятные всемирные тенденции. Например, компания Unilever решила с 2005 г. закупать продукцию только тех рыболовецких предприятий, чьи рыбные ресурсы гарантированно восстанавливаются. А гигантский частный пенсионный фонд Colpers (США) решил уйти из тех стран, где нарушаются права человека и не соблюдаются минимальные нормы охраны труда. «Ныне немало крупных компаний стремится к тому, чтобы совместно с правительством и гражданским обществом участвовать в выработке по неотложным проблемам, далеко выходящим за пределы их компетенции. – свидетельствует Ж.-Ф. Ришар, – Причем они делают это отнюдь не ради коммерческой выгоды, а потому, что их... начинает интересовать, каким станет мир через десять-пятнадцать лет»⁵⁴.

И это не просто предположение. В конце 1999 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан на Всемирном экономическом форуме в Давосе (Швейцария) предложил заключить Глобальный договор о сотрудничестве крупного бизнеса с учреждениями ООН, профсоюзами и неправительственными организациями для претворения в жизнь всеобщих принципов социального равенства и сохранения окружающей среды, а в июле 2000 г. он же дал официальный старт этой инициативе. Тогда около 40 крупных корпораций, а также организации гражданского общества, профсоюзы и предпринимательские объединения подписали Global Compact (Глобальный договор) о принципах социальной ответственности бизнеса⁵⁵, об участии бизнеса в решении наиболее острых проблем глобализации, а в конечном счете о формировании устойчивой и открытой глобальной экономики. Особенность этого соглашения в том, что присоединение к нему является делом совершенно добровольным, не предусматривается никакого контроля «сверху», а тем более принужде-

⁵⁴ Ришар Ж.Ф. Двадцать лет спустя // *Россия в глобальной политике*. 2003. № 2, с 161.

⁵⁵ Вкратце они обязывают деловые круги: уважать и поддерживать международно признанные права человека; признавать свободу ассоциаций и их право на коллективные переговоры; исключать все формы принудительного труда; полностью исключить детский труд; придерживаться предупредительного подхода к экологическим вызовам; проявлять высокую экологическую ответственность и развивать природоохранные технологии; действовать против коррупции во всех ее формах, включая вымогательство и предложение взятка.

ния к нарушителям взятых на себя обязательств. Стороны просто ежегодно представляют отчет о проделанной ими работе.

Эта инициатива получила широкую поддержку, как со стороны бизнеса, так и общественных организаций (см. рис.5). К 2010 г. к Глобальному договору присоединились 6 тысяч компаний, из 135 стран, и свыше 2 тысяч некоммерческих организаций. Судя по набранным темпам, число подписантов этого соглашения будет и дальше быстро расти.

Это согласование действий бизнеса, гражданского общества и институтов ООН постоянно эволюционирует. Круг забот участников договора расширяться за пределы первоначальных десяти принципов. На саммитах руководителей государств-участников в 2004, 2007 и 2010 годах в этот круг шаг за шагом были дополнительно включены проблемы искоренения нищеты, здравоохранения, развития образования, продовольственной безопасности, миграции, гуманитарной помощи. В 2010 году 76% компаний в своих отчетах сообщили, что по собственной инициативе предпринимали действия по расширенному кругу задач⁵⁶. Таким образом, транснациональный бизнес вносит все более заметный вклад в формирование механизма глобального регулирования не только экономики, но и социальных и экологических проблем.

Рисунок 5

Рост числа подписантов Глобального договора

Источник: UN Global Compact. Annual Review 2010, p. 11

⁵⁶ UN Global Compact. Annual Review 2010. p. 32, 55, 56.

В современных условиях складывается еще один перспективный регулятор мирового социума – **глобальное гражданское общество**, как система неправительственных и некоммерческих организаций, озабоченных судьбами мирового сообщества.

Гражданское общество зародилось внутри стран по мере демократизации их политических режимов. Оно состоит из профессиональных союзов, молодежных, женских, правозащитных и других организаций, в какой-то мере избавленных от повседневного прямого вмешательства государства. Такое общество завоевало право на защиту своих интересов и выражение своего мнения по широкому кругу проблем в борьбе с авторитарными и тоталитарными режимами. Это право нередко приходилось добывать на баррикадах антифеодальных революций, которые завершались победой далеко не всегда. (Вспомним, например, поражение в 1825 г. декабристов на Сенатской площади Петербурга). Но в конечном итоге в передовых странах удалось даже законодательно закрепить права гражданского общества. Такое закрепление оно получило в Биллях о правах в Англии и США, в Декларации о правах человека и гражданина во Франции. Затем по мере роста политических и социокультурных связей разных стран сравнительно демократическая модель гражданского общества распространялась на другие страны.

Конечно, в разных странах позиции гражданского общества и его влияние далеко не одинаковы. Косвенно об этом свидетельствуют рейтинги уровня демократии (см.табл.2). Когда глобальное гражданское общество обретает значительное влияние, оно оказывает обратное воздействие на внутригосударственную сферу, подталкивая идущие здесь процессы демократизации. «Международные организации обеспечивают интернациональный резонанс (внутристрановых – Ю.Ш.) событий, помогают местным общественным группам консультациями, техническим и коммуникационным оснащением, а нередко обеспечивают и финансовую поддержку этих групп, – констатирует украинский эксперт Виктор Степаненко. – ...Международный резонанс отдельной правозащитной кампании усиливает ее эффект, выдвигает новые острые проблемы авторитарной страны и подобно бумерангу возвращается на внутреннюю политическую арену»⁵⁷. Не исключено, что нынешние революции на Арабском Востоке наряду с решением других неотложных социальных задач расчищают дорогу и для запоздалого развития там гражданского общества.

⁵⁷ Степаненко В. Глобальное гражданское общество: концептуализация и посткоммунистические вариации. //Социология: теория, методы, маркетинг 2005, № 2, с. 170.

Первоначально активность общественных организаций была направлена на решение внутренних проблем отдельных стран. Но со временем некоторые проблемы становились общими для ряда стран, то есть транснациональными и требовали совместных выступлений ряда национальных общественных организаций. Одним из ранних проявлений транснационального гражданского общества были начавшиеся в конце XVIII в. массовые выступления граждан Пенсильвании (США), Англии и Франции против рабства и работорговли, сохранявшейся в южных штатах США. Под давлением этого движения рабство было изжито.

С развитием глобализации масштабы транснациональных гражданских обществ закономерно расширяются, формируется всемирное гражданское общество. Во-первых, потому, что увеличивается количество проблем, касающихся большинства или даже всех стран: угрожающее потепление климата и повышение уровня Мирового океана; сокращение биоразнообразия живой природы; неравномерное распределение продовольственных ресурсов планеты, в результате чего миллионы людей в менее развитых странах голодают и умирают от истощения; развитие международной преступности и наркоторговли; распространение СПИДа и других инфекционных болезней и т.п. Все это мобилизует социально активную часть мирового сообщества.

Во-вторых, стремительное развитие средств международной коммуникации, особенно Интернета, существенно упрощает согласование действий национальных гражданских обществ. Современные средства связи позволяют активистам гражданского общества отслеживать и обсуждать актуальные проблемы практически в реальном режиме времени независимо от разделяющих их расстояний. По меткому определению канадского философа Мак Льюена, с этой точки зрения, **«земной шар, “обязанный” электричеством, не больше деревни»**. Общаясь изо дня в день с помощью электрических средств связи, люди разных стран ведут себя так, как жители одной деревни. С его легкой руки термин «глобальная деревня» вошел в научный обиход.

Сегодня глобальное гражданское общество состоит из международных неправительственных организаций (МНПО), правозащитных объединений, профсоюзов, молодежных и других организаций. Количество международных неправительственных организаций быстро растет. Если до 1854 г. было создано только шесть таких организаций, то к началу XX в. их было уже 163, к 1945 г. – более тысячи, к 2007 г. –

около 60 тысяч⁵⁸. Некоторые из них включают независимых экспертов, обладающих обширными знаниями в экономике, здравоохранении, экологии. Такие институты благодаря глобальным информационным сетям реагируют на опасные глобальные явления быстрее и точнее, чем неповоротливые официальные межправительственные структуры, связанные множеством согласований и дипломатических процедур.

В современных условиях глобальное гражданское общество обрело беспрецедентные возможности и, по мнению многих исследователей, стало движущей силой демократической **глобализации снизу** как альтернативы **глобализации сверху**, осуществляемой межправительственными организациями.

Это со всей наглядностью проявилось в 1992 г. на Саммите Земли в Рио де Жанейро, где около 2400 представителей МНПО сыграли решающую роль в обсуждениях проблем спасения экологии планеты. В 1987 г. не без активной поддержки таких организаций был подписан первый Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой. Позднее свыше 1000 МНПО начали кампанию за разработку договора о запрете производства, накопления и экспорта противопехотных мин. Такое международное соглашение было заключено в 1997 г., а сама кампания по запрету этих мин была удостоена Нобелевской премии мира. В 1998 г. под давлением глобального гражданского общества был принят Римский устав Международного уголовного суда, в компетенцию которого входит преследование лиц, ответственных за геноцид, военные преступления и преступления против человечности.

Учитывая позитивный вклад национальных, региональных и глобальных неправительственных организаций, ООН еще в 1946 г. учредила Комитет по неправительственным организациям, а в 1948 г. предоставила 14 из них статус консультантов ООН. В 1992 г. такой статус имели уже более 700 НПО, а в 2011 г. – 3052⁵⁹. Такой статус предоставляется международным, субрегиональным и национальным неправительственным и неприбыльным организациям или добровольческим объединениям. Они принимают участие в обсуждении и выработке решений по конкретным вопросам повестки дня различных подразделений ЭКОСОС, а также могут участвовать в международных конференциях под эгидой ООН.

Такая заинтересованность высшей межправительственной организации в сотрудничестве с представителями гражданского общества свидетельствует, что меж-

⁵⁸ Davies T. The Rise and Fall of Civil Society // Centre for International Politics. *Working Paper* № 3, 2008, p. 4.

⁵⁹ Information about ECOSOC Status. 2011, p.1.[www.worldforworld.org/get_involved.asp].

государственные институты признают недостаточность собственных возможностей для того, чтобы успешно справляться с проблемами современного мирового сообщества. Это весьма важно с точки зрения перспектив формирования будущего механизма глобального регулирования.

Со своей стороны, МНПО прямо заявляют, что готовы активно участвовать в формировании такого механизма. «Мы настаиваем на том, чтобы гражданское общество, которое становится «совестью мира», признавалось в качестве полноправного партнера, обладающего обширной базой знаний, простирающихся от корней травы до академических высот, и способного проводить экспертизу процесса реформирования ООН, – заявили в 2007 г. участники Форума развития гражданского общества. – Мы готовы работать как лояльные партнеры с системой ООН и – где требуется – с частным сектором в проектировании и осуществлении реформы. Равным образом мы полностью оснащены для того, чтобы помогать в отслеживании воплощения в жизнь деклараций ООН, включая Цели развития тысячелетия... Нескорые из наиболее существенных идей, относящихся к реформированию ООН, такие как постановка вопроса о Целях развития или инструментах реагирования на изменения климата, были первоначально выдвинуты гражданским обществом, а не системой ООН и не правительствами»⁶⁰.

Это взаимное стремление к сотрудничеству между системой институтов ООН и глобального гражданского общества вселяет надежду, что поиск нового механизма регулирования мирового сообщества принесет результаты.

Против этого могут возразить, поскольку часть глобального гражданского общества вступает в конфликт с глобализаторами «сверху». Как известно, в ноябре 1999 г. состоялись массовые акции протеста, включавшие около 700 НПО и 40000 студентов, рабочих, религиозных деятелей, представителей бизнеса против встречи в Сиэтле министров стран-членов ВТО, которые намечали начать третий раунд переговоров о корректировке Устава этой организации. По мнению протестантов, предполагалось облегчить перенос технологически отсталых и экологически грязных производств с глобального Севера на Юг, что усугубило бы и без того незавидное положение мировой периферии. Эта «битва за Сиэтл» закончилась победой протестантов.

К сожалению, она вдохновила антиглобалистов на регулярные бессодержательные массовые акции протеста во время любой встречи в верхах, будь то заседания представителей государств-членов МВФ, Всемирного банка, ВТО или саммит

⁶⁰ Civil Society Development Forum 2007. “A Platform for Development: Countdown 2015”, p. 9.

«Большой восьмерки». Объективной почвой для такого раскола международного гражданского общества является глубокий разрыв в уровнях развития и благосостояния сравнительно небольшой группы стран мирового авангарда и многих стран мирового арьергарда. Не понимая причин такого разрыва, антиглобалисты готовы протестовать против любых мероприятий сторонников глобализации подобно тому, как в начале XIX в. британские луддиты ломали станки, выступая против промышленного переворота. Нет сомнения в том, что антиглобалисты займут в истории то же место, что и луддиты, – озлобленных, реакционных скандалистов.

Итак, наряду с государством и межгосударственными организациями к началу эпохи глобализации сложились еще два мощных фактора международной политики – глобальный бизнес и глобальное гражданское общество. Они, по-видимому, и станут основными компонентами нарождающегося механизма глобального регулирования. Каково же место в нем национального государства?

Некоторые прогнозисты полагают, что национальное государство останется ядром будущей системы такого регулирования. «Если даже другие более или менее легитимные игроки – включая ООН или крупные ТНК – обретут растущее влияние на мировой арене, ...они будут играть второстепенную роль в управлении основными мировыми делами, – считают, например, эксперты Арнауд Блин и Густаво Марин. – Государство, конечно же, будет сердцем формирующейся новой архитектуры глобального управления»⁶¹. Другие даже считают, что для участия в этой будущей архитектуре оно должно быть восстановлено в своих правах. Профессор Болонского университета Карло Галли, например, признает, что «в условиях глобализации национальное государство превращается «в один из тех “пустотелых инструментов”, лишенных содержания и политического потенциала, которые выживают только внешне. Проблемы и вызовы, локальные и глобальные, формируются на негосударственном уровне, а затем импортируются национальным государством»⁶². Тем не менее, без национального государства он не видит будущего механизма глобального регулирования и предлагает: «Восстановить содержимое «пустотелых институтов»..., максимально ослабить (их – Ю.Ш.) кризис; снова превратить национальное государство в эффективный инструмент (хотя у него уже нет надежды разрешить ряд фундаментальных проблем) – это те политические цели, которые стоят перед нами сего-

⁶¹ Blin A. et Marin G., Rethinking Global Governance. <www.world-governance.org/splp.php?artical15

⁶² Галли К. Национальное государство в глобальную эпоху // *Россия в глобальной политике*, 2009, № 5, с.154.

дня»⁶³. Автор этой утопии, видимо, не понимает, что поезд истории уже ушел и назад его не вернуть.

Перспектива трехстороннего глобального регулирования

Третьи осознают, что национальное государство с его суверенностью и автономностью регулирующих механизмов становится серьезной помехой на пути трансформации нынешней мировой системы в целостное мировое сообщество. Вместе с тем созданные внутри государств механизмы управления социумом на локальном уровне пригодятся и в будущем. Потому становление глобального регулирования предполагает эрозию государственного суверенитета, но не наработанных там и оправдавших себя механизмов. «Вследствие многообразного воздействия глобализации национальные государства подвергаются глубокой трансформации, так как их функции и властные полномочия переартикулируются и переукладываются в сложные транснациональные, региональные и локальные сети, – считает профессор Миланского университета Альберто Мартинелли»⁶⁴ «Во многих модернизирующихся странах, – добавляет он, – глобализация подвергает эрозии суверенитет национальных государств, но не до такой степени, чтобы препятствовать правительствам оставаться активными агентами развития»⁶⁵.

Проблемы, связанные с переходом к экономике знаний и глобализацией, быстро усложняются, а время для их решения сжимается. «Поэтому завтра, – считает Ж.-Ф. Ришар, – правительство (федеральное, региональное, местное) уже не сможет в одиночку решить сложные проблемы без существенной поддержки со стороны двух других общественных секторов. Складывается совершенно новая реальность: партнерство политики, бизнеса и гражданского общества. Следует ожидать, что такое трехстороннее партнерство в ближайшие двадцать лет станет процветать на любом уровне – глобальном, региональном, местном... Именно в такие времена неустоявшиеся понятия сетевого управления и решения глобальных проблем по сетевому принципу становятся жизнеспособными»⁶⁶. Прогноз Ж.-Ф. Ришара может оказаться ближе всех к реальному будущему мирового социума. Формируются управленческие альянсы, в которых государства взаимодействуют с гражданским обществом и частным бизнесом.

⁶³ Там же, с.158.

⁶⁴ Martinelli A. From World System to World Society? // *Journal of World Systems*, 2005, № 2, p. 254.

⁶⁵ Ibid., p. 256.

⁶⁶ Ришар Ж.Ф. Там же, с. 161.

Так или иначе, при любом варианте формирования системы глобального регулирования человечеству предстоит преодолеть важное психологическое препятствие. За многие столетия государство так прочно вросло в фундамент цивилизации, что без него последняя кажется немислимой. У ортодоксов сама идея замены современной геополитической системы сетевой управленческой структурой вызывает священный ужас. Валерий Зорькин, например, пишет, что Ж.-Ф. Ришар и другие идеологи «сетевых структур» не исключают серьезных просчетов, за которые придется платить. «Иными словами, с точки зрения такой идеологии, – заключает он, – «под снос» предназначено все: Вестфальская система, государственные суверенитеты, территориальная целостность и, следовательно, сложившаяся система международного права. И все это окажется той необходимой ценой, которую надо платить»⁶⁷. Он рьяный сторонник сохранения государственного суверенитета. Для него юридические нормы, пусть даже 360-летней давности превыше всего.

Конечно, сегодня трудно представить государство, лишенное суверенитета – что-то юридически обнаженное, некий политический стриптиз. Вспомним, однако, что до Вестфальских соглашений государства были именно такими властными структурами, лишенными международноправовой защитной оболочки, хотя бы формально ограждавшей их от вмешательства извне. Но теперь, когда глобализация все более стирает различия между внутренними и внешними экономическими и социальными процессами, такая защитная оболочка становится дырявой и теряет смысл. С другой стороны, внутригосударственные регуляторы в современных условиях утрачивают автономию и вынуждены действовать с оглядкой на другие страны, на крупные ТНК, на мировое гражданское общество. Именно в таком качестве одного из элементов трехстороннего глобального управленческого механизма, они, скорее всего, и будут использоваться в дальнейшем.

Эпилог

Итак, всматриваясь в прошлое, мы видим, что подавляющую часть своей истории, с 198 тысячелетия до н.э. по III-IV столетия до н.э., то есть в течение примерно 195,6-195,7 столетий первобытное человечество обходилось без государства. В условиях крайне низкого, почти нулевого уровня развития производительных сил оно вело собирательное хозяйство, когда добываемое охотой, рыболовством и сбором плодов пропитание едва покрывало потребности, что исключало создание добавоч-

⁶⁷ Зорькин В. Выше цит.

ного продукта. Несложные экономические и другие отношения внутри семьи, рода, племени регулировались тысячелетними обычаями на уравнительной основе и не требовали специальных управленческих институтов.

В ходе аграрной революции началось развитие производительных сил, возросла производительность труда, появилась возможность создавать добавочный продукт. В результате этого великого перелома в истории человечества начался бартерный, а потом и товарный обмен, социальное расслоение общества, внутриобщинные противоречия и межобщинные военные конфликты. Для повседневного управления этими постоянно усложнявшимися процессами 23-24 века назад требовалась властная структура, обладающая полномочиями устанавливать правила поведения населения данной территории, контролировать соблюдение этих правил и возможностью принуждать к их соблюдению – национальное государство.

По мере развития производительных сил, ускоренного промышленной, а потом и научно-технической революцией, и многократному усложнению экономических отношений, параллельно государственному их регулированию сформировался альтернативный регулятор этих отношений – рынок. В чем-то этот механизм тонкой настройки микро- и макроэкономических пропорций эффективнее государственного регулирования, в чем-то опаснее, так как он сопряжен с большими рисками и не гарантирован от провалов. Поэтому государство стремится обуздать этого соперника, вогнать его в упомянутый выше тандем. Но в этом соперничестве рынок имеет важное преимущество: его оперативное пространство многократно шире, чем поле деятельности государства.

Это преимущество рынка стало особенно ощутимо в условиях глобализации, когда производство и обмен его продуктами выплеснулись далеко за пределы отдельных стран. Замкнутое в границах своей суверенной территории государство не может создать некий новый тандем мирового масштаба, подобный тому, какой удалось создать внутри стран. Просто потому, что на такой арене национальное государство – игрок недееспособный. Даже невиданные в прошлом межгосударственные регулирующие структуры в рамках ООН (с её 193 государствами-членами) и Бреттон-Вудские институты не спасают ни от мировых экономических кризисов, ни от нарастающих долгосрочных глобальных проблем. Родившееся 203-204 столетия назад и развивавшееся все это время государство в наше время явно исчерпывает свои регулирующие возможности.

В условиях глобализации государственное и межгосударственное регулирование должно трансформироваться в какую-то иную, более эффективную модель регу-

лирования жизни мирового социума. Человечество вновь столкнулось с необходимостью поиска качественно нового регулирующего механизма, но теперь уже не в рамках отдельных стран, а в мировом масштабе. Задача невероятно сложная. Подходы к ее решению порой прямо противоположны. Решение этой задачи осложняет психологический фактор – страх потерять национальное государство как единственного защитника от всех экономических, экологических, политических и других напастей. В действительности в глобализирующемся мире государство уже не в состоянии оправдать эти надежды.

Оптимальный вариант на долгом пути формирования системы глобального управления, скорее всего, состоит в том, чтобы, не отправляя национальное государство в «музей древностей», инкорпорировать его в более адекватную мировую регулирующую систему, включающую транснациональные деловые круги и общественные организации. Но уже не в роли всевластного вершителя судеб своей страны, а качестве одного из звеньев надгосударственного механизма регулирования глобальных процессов. Похоже, что такой механизм обретёт сетевой характер. А национальные властные структуры как рудименты прошлой эпохи, возможно, на первых порах окажутся узловыми пунктами формирующейся глобальной управленческой паутины.

В основе исторической триады – догосударственная организация жизни социума, государственная и надгосударственная – лежит уровень развития производительных сил общества и пространственные масштабы их применения. Пока экономические и социальные процессы оставались примитивными и не выходили за пределы территории проживания первобытной общины, они регулировались без специализированной властной структуры. Когда эти процессы, обусловленные развитием производительных сил, существенно усложнились, потребовалась управленческая структура, регулирующая их в пределах территории проживания данного народа. А после того, как информационная, транспортная и коммуникационная революции распространили эти процессы далеко за пределы национальных территорий, и стало формироваться глобальное экономическое и социальное пространство, государство как управленческая структура оказывается мене эффективным *в пределах своей суверенной территории* и вовсе недееспособным *в мировом пространстве*. Возникает потребность в глобальной регулирующей системе, в которой национальное государство сможет играть лишь весьма скромную роль, да и то лишь на первых этапах ее формирования.

